

... И помню, какой славный бой был!
Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко...

Михаил Булгаков
«Бег»

ЧАСТЬ I

Александр. Когда они начались

15-го августа 1991 года на Северном Кавказе, в Кабардино-Балкарии, мы рубились на «пятёрочную» вершину Тютю Баши. В альпинизме все вершины подразделяются на шесть категорий трудности, то есть «пятёрка» – это сложная вершина, и без специального снаряжения, а также виртуозного лазания по скалам не обойтись. Шли тремя связками по два человека. Мне, Александру Москвичёву, с напарником Толиком Рябовым вершина шла уже в зачёт на КМСа (кандидата в мастера спорта). Вторая «двойка» – только-только перворазрядники. Но всунули ещё девчонку, которой страсть как хотелось закрыть первый разряд. На фиг она нужна в мужской компании, тут не танцы! Но уговорила и оказалась вполне ничего: маленькая, юркая, мы запускали её первой на очередной скальный участок, в конце которого Таня миниатюрной, но сильной и ловкой ручонкой забивала крючья, а мы уже подтягивались по верёвке на мускулах и жумарах (механический зажим кулачкового типа для подъёма по верёвке). Сама Таня шла в связке с инструктором, мастером спорта из Одессы, тоже Толиком со смешной фамилией Олик.

Ни о каких политических катаклизмах мы не знали, поскольку никаких вещающих устройств с собой не имели. Оснастились, само собой, рацией для связи с лагерем, но по рации московских, а также региональных новостей не передают.

К вечеру нашли на стене малюсенькую площадку, позволяющую условно поставить палатку. Что значит условно? А то, что площадка размером метра полтора на два, и палатку кое-как неровно закрепили на крючьях. Получается, что укладываться спать и готовить еду – тоже условно. А отправлять, простите, естественные надобности в присутствии девушки?.. Но обустроились без цинизма:

¹ В повести много персонажей проходит просто под именами. Но они очень похожи на реальных и в большинстве своём хорошо известных людей. Повествование порой ведётся прямо от имени «похожих». Список возможных прототипов приводится в конце каждой части повести.

один конец верёвки, для мальчиков, бросили на почти отвесную стену в одну сторону; другой, для девочек в единственном числе, – в другую. И отправляли надобности, приспустившись на верёвке и пристегнувшись к ней, радуясь и веселясь...

Н-да, последние три года творилось что-то странное. За десять лет в альпинизме мне пришлось пару раз участвовать в переноске раненого, а про более серьёзные случаи только слышал. А тут что ни сезон, так кто-то упал, сорвался с верёвки, провалился в трещину, убился камнем – и вот спускаешь его с горы вниз, бездыханного; а если раненого, так сложнее: раненому больно, а мёртвому – нет. Спускаешь порой часами, а иногда и днями; порой большим отрядом спасателей, а иной раз только своей малой группой; порой с продуктами, а бывало, что и без еды.

Размышляю над странным, почти мистическим трёхлетием, а сверху летит камень. Выбирая стоянку, мы старались, конечно, избежать камнеопасного места; камень шуршит значительно правее, но вот он ударяется о скалу, раскалывается, и осколки сыплются на нас. Примус с супом перевернуло, палатку пробило, но – о чудо – никто из людей не задет. Пытаемся уложить на коврики конструкцию из шести тел для последующей попытки уснуть.

На второй день складываем дырявую теперь палатку, пакуем рюкзаки и лезем на скалы. Таня по-прежнему хорошо проходит сложные участки стены, но мужики, естественно, периодически её меняют и идут первыми. На «кошках» проходим ледовый участок, вертим ледобуры и страхуемся, затем попадаем на снежно-ледовый гребень. Вроде бы не крутой, но острый. Как по нему передвигаться – задача, «пешком» не пройдёшь. Вот и едем буквально «верхом» и лишь изредка переступаем ногами.

Вершина! Что делают восходители, когда попадают на вершину? Они отдыхают, очень недолго. Они пишут записку и кладут её в консервную банку, а ту прячут в каменный тур, если вершина не снежная – это свидетельство о том, что восхождение состоялось. Они перекусывают на скорую руку, скорее всего шоколадкой и сухофруктами с запивкой чаем, соком или обычной водой. И постоянно присутствует мысль: быстрее-быстрее вниз, как бы чего не случилось. Главное «как бы чего» – это погода, которая может стремительно испортиться, и светлое время дня, которое может почти мгновенно перейти в тёмное.

Проводим на вершине минут тридцать максимум – и вниз. «Как бы чего» случилось: наполов ту-ман, мы сидели и ожидали просвета в небе прямо среди ледниковых трещин. Потом наступила темнота, так на краю ледника и заночевали в мокрой и дырявой палатке. С утра 17-го августа плуаем ещё полдня, наконец, выходим на знакомые ориентиры и добираемся до базового лагеря.

Опять заночевали, а 18-го спустились вниз на автомобильную дорогу; по ней, совсем вечером, дошли до маленького городка Тырнауз в Баксанском ущелье. Добыли трехлитровую баночку вина и, в ожидании попутного транспорта, который должен был доставить нас поближе к альплагерю «Эльбрус», её прикончили. В лагерь пришли к полуночи и завалились спать.

19-го августа мы с Толей Рябовым планировали вновь добраться до Тырнауза и там провести ночь, чтобы не опоздать на улетавший утром 20-го из Нальчика в Москву самолёт.

Пошли на склад сдавать снаряжение, а там чудноватый с виду бородач завскладом Коля говорит: – В Москву? Давай-давай: как раз вас танки там и встретят!
– Что за бред? Какие танки?!

Да, радиоприёмник в лагере работал и сообщал: что-то там, в Москве, происходило, типа митингов. Но в конце 80-х митингов было навалом, отсюда какого-то особого интереса информация не вызвала, тем более постоянно мы приёмник и не слушали – так, отрывками. Говорили ещё, что образован какой-то чрезвычайный комитет. Ну, образован и образован, мало ли всяких комитетов.

Да, в гостинице в Тырнаузе смотрели по телевизору пресс-конференцию членов этого самого комитета; да, видели «знаменитые» трясущиеся руки председателя комитета Геннадия Янаева. Но смотреть надоело, и мы пошли доставать очередную трёхлитровую банку кислого вина – другого здесь в те дни и не предлагалось.

20-го августа в Нальчике авиарейс задержали на четыре часа. И вообще ощущалось какое-то беспокойство вокруг. Оно усилилось, когда самолёт сел не в близкое Внуково, а в далёкий аэропорт Быково, откуда предстояло добираться до Москвы целый час на электричке. Ну, ладно, вот Москва, вот метро, и, слава Богу! Но как бы не так: эскалаторы не работают, и приходится с тяжёлыми рюкзаками шлёпать по ступенькам вверх-вниз. А вокруг расклеены листовки с призывами куда-то идти, чтобы защищать свободу и демократию. Какую свободу и от кого защищать – было не совсем понятно.

Моей квартиры достигли такими уставшими, как будто взяли очередную вершину. Не до телевизора, сразу спать. И только утром более-менее разобрались в ситуации. Тем более, что постоянно звонили друзья и знакомые: кто-то спрашивал, что делать, а кто-то предлагал двигаться к Белому дому.

«Почесав репу» и хлебнув кофейку, я попробовал в себе разобраться. Пришёл к выводу, что апогетом низвергаемого режима не являюсь. Впрочем, диссидентом и поклонником назревающего и неизвестного нового, ага, свободного и демократического, – тоже. Ощутил, что мне просто не нравится ВСЁ происходящее.

21-го августа вечером с трудом и случайно купил на Казанском вокзале билеты на поезд, в общий вагон, и уехал в далёкую деревню Казеевка Пензенской области, где отдыхали жена Галя и 10-летний сын Тимофей. Жёг на огороде костёр, жарил случайно подвернувшееся мясо, пил ранее заныканную и крайне дефицитную в то время водку: не с горя и не с радости, а просто с удовольствием от сочетания с простой неполитической природой.

* * *

Выходит, так начались девяностые? Нет, не так. Начались они раньше, как и любые «е» и любой «й», 1-го января 1991 года. Новый год мы справляли в общежитии АОН. Не знаете, что такое АОН? Так я расскажу. АОН – Академия общественных наук ЦК КПСС – элитное учебное заведение, включавшее в себя аспирантуру. В аспирантуру, о которой и пойдёт речь, поступали партийные номенклатурщики, да с немалых должностей. Списки на зачисление утверждал целый генеральный секретарь ЦК КПСС.

Аспиранту выделялась площадь в комплексе зданий на Юго-Западе Москвы. Площадь только называлась «общагой», а на самом деле представляла собой одноместный гостиничный номер «квартирного типа» со всеми удобствами. Зарплата от прежнего места работы аспиранту, заметьте, сохранялась. Это не всё. Закрытая территория. Коньяк в буфете. Столовые и кафе с щадящими ценами. Продуктовые заказы. Одежные распродажи. Загородный пансионат.

И это тоже не всё. Имела место и неформальная сторона социалистического быта в виде самих аспирантов и аспиранток 30-35 лет от роду, временно оставивших семьи в регионах необъятного СССР. Как в популярном анекдоте. Эх, один. Совсем один... Совсем один? Совсем один! Са-всем а-дин, са-всем а-дин, са-всем а-дин!!! Короче, учись – не хочи.

Это для аспирантов. Что уж говорить о профессуре! Для неё не «квартирного типа», а квартиры. Не сохранённая зарплата, а нормальная и возрастающая. В плане взаимоотношений с аспирантами... Врать не буду, про *такие* отношения с аспирантами я не слышал. Другое дело, с аспирантками! Вступительные, текущие экзамены, а также защиты проводились в ряде случаев, как бы поточнее выразиться, через ... Впрочем, в абсолютно правовом поле, по обоюдному согласию.

А потом что-то зашаталось, и в воздухе запахло незнакомым. Блага сильно поурезались. Зарплату поела инфляция. И вот мы встречаем новый год в АОН, в одном из номеров «квартирного типа». Шампанского, водки, пива не купить, поскольку компартия – КПСС – руководящая и направляющая сила огромной страны, шесть лет назад объявила беспощадную борьбу с пьянством и алкоголизмом. Нормальной колбасы тоже не купить, хотя борьбу с ней никто не объявлял.

Что касается борьбы с зелёным змием, то сильно достала меня эта борьба! Пару лет назад, когда я ещё не учился, а работал в райкоме партии, позвонили из «Московской правды».

– У вас, спрашивают, есть Общество борьбы за трезвость?

– А как же, – отвечаю, – само собой!

– А какие мероприятия оно проводит?

– Все мероприятия фиксирует ответственный секретарь общества Татьяна Гусева, спросите у неё.

Звонят Гусевой:

– У вас в райкоме есть такое общество?

– Конечно!

– А какие мероприятия оно проводит?

– Не знаю, я взносы собираю с членов.

– Почему же вы не знаете?

– А зачем мне лишняя информация...

Напечатала антиалкогольные диалоги «Московская правда», и прогремели мы на весь город...

Граждане роптали и собирались на митинги. А КПСС что?

«Вот нам тут подбрасывают!» – говорил генеральный секретарь.

«А мы что? Мы твёрдо, крепко и без сомнений. Мы должны отстаивать нашу идеологию, – вторила академическая профессура. – Какую, спрашиваете, идеологию? Ясно, какую: нашу, научную, марксистско-ленинскую. Как отстаивать? В народ выходить надо».

Но с такими призывами безопаснее и уютнее выступать в аудиториях АОН. А в народ уютнее посылать аспирантов.

Днём 31-го мы вышли в народ, потому как оказалось, что пиво купить всё-таки можно...

Чуть-чуть лирических воспоминаний. Вообще-то пиво в бутылках было в Союзе всегда. А к Олимпиаде-80 в столице нашей Родины, откуда предварительно выселили бомжей и вывезли в загородные лагеря детей, появилось пиво в банках. Финское. И финский же сервелат, казавшийся тогда запредельно вкусным. И финская горчица, столь же вкусная и совсем не острая.

Пиво в кружках тоже имелось всегда: в ларьках, столовых и заведениях, которые так и назывались – «пивная». Однако после Олимпиады банки мало-помалу исчезли, а к 1991-му, в пивных, что без официантов, исчезли и кружки.

Так что под хождением в народ у аспирантской братии подразумевался поход в пивную-автомат, где пиво было, но кружек не было. Как же поступить? Пытливый народный, а с ним и партийно-аспирантский ум («Народ и партия едины!» – констатировал партийный лозунг) нашёл выход: наливаем пиво из автоматов в полиэтиленовые пакеты, а дома переливаем в нормальную тару: ну, в чайник там или в стеклянную банку. Градусов в этом «автоматном» пиве содержалось определённо мало, поймать кайф получалось где-то после употребления трёхлитровой банки. А всё ж: на безрыбье и рак рыба!

Откуда брались шампанское и колбаса? Из этих самых бластных заказов, которые существенно реже, но поступали. Откуда водка в безалкогольное время? Достали... Вспомним знаменитые ответы застойного времени на вопросы типа «где взял»: «достал», «давали, и я взял», «выбросили, а я отхватил».

Всего оказалось в достатке за новогодним столом в общежитии квартирного типа АОН ЦК КПСС. Даже новых костюмов и платьев, купленных на предновогодней закрытой распродаже в Академии. Торговый процесс проходил без драки, давки и даже крика, поскольку «выбросили» по одному фасону костюмов и платьев, к тому же не всех размеров. Хочешь покупай («бери»), хочешь – мимо проходи....

Справили новый год отлично. К утру москвичи разъехались по домам. Впрочем, некоторые задержались. И разошлись вместе с регионалами по номерам: кто спать, а кто продолжать. Одни – разговоры за жизнь, вторые – пьянку, третьи – любовь...

Николай. «Накройте, как положено»

Село Крылатское стоит с давних пор. Помянуто о нём ещё во времена Василия Первого, в духовной грамоте 1423 года. А при Иоанне Грозном освятили здесь храм, даже вроде бы и в присутствии царя, так и началась история церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В последующие годы много пришлось претерпеть храму: долгострой, пожары, разрушения, закрытие.

С 1936-го храм пустовал и постепенно подвергался разграблению. По воспоминаниям, иконы сжигали на церковной площади, хотя часть образов разобрали благочестивые прихожане.

Перед войной атеисты задумали превратить бывшую церковь в клуб. Однако начавшиеся 22-го июня события помешали этому. Было ещё одно обстоятельство: стоящие на холмах и возвышающиеся над местностью строения, в первую очередь колокольня, служили ориентиром для вражеской авиации и артиллерии. Поэтому в 1941-м с храма сняли купол с пятиглавием, а колокольню разобрали до первого яруса.

Когда я пришёл в церковь в самом конце 80-х, то увидел лишь подобие большого кубообразного дома из красного кирпича, из стен которого торчали крючья самодельных горнолыжных подъемников. Однако милостью Божьей в 1989-м снова зачалась жизнь в старой церкви: стукнуло и забилось сердце колокольни, затеплились свечи и лампы, потёк ручей акафистов.

Вот сейчас Рождество. В евангелиях говорится, что Пресвятая Дева Мария и Иосиф Обручник пришли в Вифлеем на перепись. Их не пустили ни в один дом, и они провели ночь в пещере для скота: здесь и родился Христос. Воспоминания об убогости обстановки рождения Господа приводит

к мысли о значении смирения. Сейчас всё бурлит вокруг, и не всегда это бурление носит положительный характер. Поэтому нужно смирение, но не только. Я хотел бы пожелать всем вам новых духовных и телесных сил, чтобы можно было успешно трудиться в это новое и тяжёлое время на своём поприще в великом, спасительном созидании.

Но нынче, похоже, всё идёт по-другому. Созидания, братства, взаимной любви не получается – ни в обществе, ни в семье. Часто на исповеди я слышу о плотских грехах, супружеской неверности и неверности в новом для меня слове «бизнес». Столь же новы неслыханные ранее слова «разводка», «кидалово». Учёные склонны видеть причину семейных неурядиц в бытовой неустроенности, а неурядиц экономических – в бедности.

Но я думаю, что это только часть истины. И бедные, и богатые не могут преодолеть такие пороки, как алчность и нечестность. Что же касается семьи, то никакое благополучие не в силах уберечь семейный союз, если супруги пренебрегают Божьей заповедью: избирая подругу или друга, ты делаешь это раз и навсегда. От крепости вашего союза, любви зависит облик детей, а значит и общества. Есть согласие в семье – есть согласие и в обществе. Начинают муж и жена ненавидеть, пренебрегать своей половиной, и дети растут отверженными, неприкаянными, и вот уже мы видим общественный разлад.

С негативными проявлениями такого рода мы сталкиваемся постоянно. Да, люди потянулись в церковь, в выходные, по праздникам она теперь всегда полна, несмотря на временную неустроенность. Среди прихожан немало истинно верующих, а остальных я осуждать не вправе. Скажу лишь о том, что некоторые люди думают так: пришёл в храм, помолился, снял с себя грехи, а потом можно грешить заново. Так и живут. А нам бы жить по любви, не по злобе...

О семье. Годы советской власти привнесли много неправильного и, я бы сказал, вредного в трактовку семейных ценностей. Скажем, возникший в пятнадцатом-шестнадцатом веках свод житейских правил и наставлений «Домострой» характеризовался как документ, защищающий деспотическую власть главы семьи. На каком основании? На том основании, что встречается в «Домострое» и вошла даже в школьные учебники фраза «Да убьётся жена мужа». Но о какой боязни идёт речь? Страх в переводе с древнеславянского – это боязнь причинить боль Богу или другому человеку, а совсем не трепетание перед ним. Это любовь, без которой не может быть никакого брака – ни гражданского, ни церковного, не может быть и самой жизни. Мне, священнику и человеку, хочется видеть супружескую пару такой, где прежде чем муж попросит прощения, жена уже простит его и наоборот; где основу семейного очага составляют любовь, уважение, верность и преданность.

Сегодня многие традиции нравственного воспитания утрачены, ведь в течение многих десятилетий духовных пастырей либо не было совсем, либо ими становились безнравственные люди.

Отрадно, что в последние годы многие приходят крестить детей. Но важно, чтобы человек, приобщаясь к обрядовой, внешней стороне православной деятельности, приобщался и к внутренним святым таинствам – а сюда входит и участие в делах просвещения, и в фондах милосердия, различных видах социальной помощи.

Осенью при храме открылась воскресная школа, в ней около ста пятидесяти слушателей. Школа имеет четырёхгодичный цикл обучения, занятия проходят по воскресеньям. К нам приходят и дошкольники, и 14-15-летние подростки из семей рабочих и учителей, инженеров и учёных, верующих и неверующих. Школа не только даёт знания по религиозно-нравственным дисциплинам, но воспитывает в учащихся доброту и милосердие к ближним, терпимость и уважение к старшим. И вот что интересно: ребята зачастую приходят записываться в школу сами, без родителей, а потом приводят сюда пап и мам, приобщая их к духовной жизни. Почва вспахана, мы поливаем её, и я верю, что со временем появятся хорошие всходы.

Нужно любить и трудиться. Не для выгоды или славы, не в зависимости от симпатий к тому или иному человеку, но исходя из того, нуждается он в этом или нет. Нужно и бороться. Не друг с другом, а прежде всего со злом внутри себя. Господь сделает то, что мы не в силах сделать сами...

Отец Николай остановил свою речь, посмотрел на собравшихся в вагончике людей и накрытый стол. Да-да, в вагончике: в церкви шли ремонтные работы, и рядом поставили три вагончика. В одном жили строители, а два других использовались для церковных нужд. В Рождество в вагончике накрыли стол, который помогающие храму тётушки обставили всякой съедобной всячиной. Ну, и водочка, и винчишко, конечно, присутствовали – православному уставу это не противоречит. Но за два часа сидения за приятной беседой красавец рождественского стола порядком поулыал:

скатерть выглядела несвежей, от трапезы остались объедки, бутылки опустошились.

За столом сидели служители храма и представители церковной общественности. А тут пришли какие-то гости. Вроде с ними была договорённость о визите, но случилась она месяц назад, и кто пришёл, зачем – отец Николай не очень помнил.

– Вы, это, уберите всё здесь, – строго велел батюшка.

Тётушки засуетились, и вскоре стол принял девственно чистый вид, а публика вокруг настороженно замолчала.

– Нет, не так. Накройте, как положено, опять – праздник ведь!

Суега, разговоры, весёлые настроения возобновились.

Николай плеснул себе и гостям в рюмки:

– Братья и сёстры! С Рождеством!

Александр. Кандидатство – это не костюм

Плотские грехи – чего ж отказываться – бывали, причём без всякой исповеди. Ну, например, *той* новогодней ночью.

И про детей, которые водят в храм родителей, а не наоборот – тоже в точку. Подошёл ко мне 10-летний сын Тимофей, возбуждённый и озабоченный:

– Папа, давай меня покрестим.

– Это каким образом, сынок, ты до этого созрел?

– Да никаким! Бабушка совсем достала; татарчонком, говорит, растёшь, стыдно даже. Скажи маме с папой, пусть тебя покрестят, сами-то крещёные.

Мы с женой и вправду крещёные, однако никто при этом о желаниях младенцев не спрашивал: те же бабушки тайком от родителей отнесли в церковь и покрестили.

– И ты готов пойти креститься?

– Да, я готов.

– Не забудь галстук пионерский в церковь повязать, – вставила своё лыко в строку жена.

Во время разговора мы с Лёвой, одним из первых, во всяком случае в нашем районе, рублёвых миллионеров, приятно выпивали. Он экспромтом зашёл в гости, услышал слова моего отпрыска и завёлся:

– О! И я с Тимофеем покрещусь. Вы-то с Галей, оказывается, крещёные, а я-то нет!

Не откладывая в долгий ящик, пошли в церковь договариваться. Лёва с благоприобретённой миллионерской «скромностью» попросил:

– А нельзя ли во время обряда храм ненадолго прикрыть, чтобы люди не заходили. Я взрослый человек, стесняться буду.

Батюшка попытался возразить, но Лёва продолжал:

– Церкви поможем, само собой. Это обязанность порядочного человека...

И отец Николай пошёл на уступки.

Обряд крещения прошёл торжественно и сердечно. В процессе, впрочем, произошёл казус: выяснилось, что предполагаемая крёстная мама Наташа была... некрещёной. Решение по устранению казуса нашли быстро: покрестили и Наташу.

А дальше батюшка пригласил всех участников обряда в трапезную, в уже знакомый вагончик, где дожидался накрытый стол, и даже с коньячком. Выпили, поговорили о Боге, о добре и зле...

Ладно, крещение – дело хорошее, а теперь, в отличие от советских времён, ещё и безопасное. Проблема заключалась в другом. На дворе ноябрь, а я с того самого 19-го августа только и делаю, что бухаю.

Правда, не примитивно, а вполне интеллектуально. Однажды Володя Воронов, работавший до 19-го в соседнем райкоме, сказал, что с нами, бывшими партЕйными работниками, хочет встретиться некая французская журналистка. Зачем? А чтобы выяснить наши оценки сложившегося положения и поинтересоваться дальнейшими планами на жизнь. Почему такую встречу взялся организовать именно Володя? Потому, что у его жены имелись кое-какие французские корни, и супруги готовились «линять» за рубеж на ПМЖ.

К визиту француженки по имени Иветта мы хорошо подготовились. Спиртное после путча появилось в изобилии: в обыкновенных палатках стояли в ряд батареи коньячных бутылок с многими

медалями и по бросовым ценам. И ликёр «Амаретто», любимый женщинами. Позже мы осознали, что палаточный коньяк – ни разу не коньяк, а ликёр «Амаретто» – никакой не ликёр. Зато спирт «Royal» («Рояль», по-народному) есть самый что ни на есть спирт и цепляет неплохо.

Затарились, нарезали колбасы, огурцов и, как положено, встретили француженку. Она, впрочем, поначалу была разочарована, поскольку диалог, регулярно прерываемый тостами за дружбу России и Франции, строился, примерно, так:

- Я понимаю, что для вас происшедшее – перелом, драма, кризис, что вы переживаете...
- Да не! Какой перелом, какой кризис!? Фигня какая-то. И мы не переживаем.
- Понимаю. У вас есть накопления?
- Нету у нас накоплений.
- Вам предложили хорошую работу?
- Не! Не предложили работу – безработные мы покамест.
- А что же с вами будет, может, вас арестуют или запретят занимать престижные должности?
- Арестуют? Кто? Все вокруг такие же, как мы! А эти дерьмократы... Типа младшие научные сотрудники или строительные бригадиры, которым места у кормушки не хватило. Ну, покушают немножко из кормушки и отвалят. А у нас всё будет нормально!..

Напились под этот разговор как дикие свиньи, песни русские запели и «Марсельезу», разумеется. И француженку напоили до невменяемости – это ж мы умеем, она подпевала.

Что потом? Забегу чуть вперёд. Француженка как появилась, так и исчезла. Володя Воронов с женой «слиняли» в Канаду. Через восемь лет жена вернулась, а Володя остался, получив «хорошее» место работы: будучи по специальности инженером-электронщиком, он ночью мыл агрегаты на фабрике по переработке куриного мяса, снимал скромную квартиру, вступил в местное отделение компартии.

Те, которые должны были покушать из кормушки немножко, увлеклись и съели довольно много...

Мы пока бухали и бухали. А какие варианты? До 19-го августа как всё происходило? Не работали, учились под бдительным надзором партийно принадлежной и партийно убеждённой профессуры. Но надзор после подавленного путча существенно ослаб, поскольку Академии стало не до аспирантов: туда пришли люди, назвавшиеся демократами, начали искать оружие и грозиться, что всех разгонят. За оружие профессура не беспокоилась: оно содержалось на военной кафедре, но со спиленными бойками и просверленными дырками в стволах. А вот касательно «разгонят», мандраж присутствовал. Быстренько переименовались из АОН ЦК КПСС в Российскую академию управления, но последовал очередной вопрос: а чем вы тут занимаетесь? Партийные задачи выполняете? Но КПСС распущена, так что и задачам каюк, и Академии тоже. Тут-то профессура про меня и вспомнила!

Почему именно про меня? Да всё просто: девяносто процентов аспирантов писали диссертации действительно по партийной тематике. Ну, не дословно, но примерно, такой: «Идеологическая работа партии в период освоения целины», «Руководящая роль КПСС в Великой Отечественной войне», «Значимость учения Маркса-Энгельса в современный период», «Сравнительный анализ буржуазных и социалистических ценностей на примере таких-то стран» и так далее.

А я в то время увлёкся модным научным направлением «конфликтология»; литературу по теме, за отсутствием советской, читал преимущественно американскую, из спецхрана, на английском языке, куда через ряд бюрократических инстанций получил доступ. Про КПСС – руководящую и направляющую силу нашего общества в диссертации, конечно, было, но в основном не про это. Более того: «не про это» годом раньше могло через учёный совет и не пройти. И вовсе не по причине крамолы и диссидентства, а совсем по иным аспектам.

Конфликт – это плохо, аномально, конфликтов надо не допускать, а если появятся, устранять вплоть до полной ликвидации. В общем, миру – мир. В будущем коммунистическом обществе не будет конфликтов, – гласила советская доктрина.

Но я уразумел из умных книг, что конфликт – это не плохо и не хорошо, это тип социальных взаимоотношений, в принципе неустранимый. Конфликтом надо управлять с помощью определённых технологий, максимизируя позитивные стороны, которые присутствуют в *каждом* конфликте и минимизируя стороны негативные, – так считали «у них», на буржуазном Западе.

Про что ещё было в диссертации под вполне демократическим названием «Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления»? Да про многое интересное и даже, как чуть позже стало модно произносить, эксклюзивное.

В общем, вынесли меня на защиту буквально на руках. Про собственную талантливость и прозорливость сказать, конечно, охота, но скромно промолчу. А вот что *эта* защита была всем академическим выгодна – очевидно: работаем, мол, тут не на КПСС, а в рамках самой что ни на есть актуальной мировой научной конъюнктуры. О, как! И защитился я на год раньше всех своих коллег-аспирантов. И стал кандидатом философских наук. Почему не политических? Да потому что в 1991-м эта степень только вводилась, не разобрались ещё, что там и как, отсюда решили: быть мне философом.

В общем, угодил я защитой и «нашим» (бывшим партЕйным), помогая им показать свою значимость и закрепиться в новом времени, и «вашим» (сторонникам демократических тенденций в науке). Всё бы хорошо, кроме одного: защиты обычно проходят *не так*, и никто никого на руках и с ликованием не вносит, а вот выносы в состоянии обморочном или даже прединфарктном случаются. Но я о таком не знал, и нестандартно успешная защита сыграла со мной впоследствии, на защите докторской, о-о-очень неприятную штуку.

Но пока – кандидат наук! Приятно и престижно! Только что делать с этим кандидатством? Впору вспомнить рассказ «Срезал» Василия Шукшина:

– ... Позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать...

Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно...

Ой, как правильно-то! И вот хожу я с такими проблемными мыслями и думаю, теперь уже по Владимиру Маяковскому, «сделать бы жизнь с кого». И тут...

Лера. Ты сможешь выйти на площадь в твой назначенный час

Мне рассказали, что на недавней сходке национально-патриотического движения «Память» один из присутствующих спросил лидера «Памяти» Дмитрия Васильева, как он ко мне относится. Тот ответил: «Когда я слышу, что где-то идёт Лера, то данное место обхожу за километр. Боюсь, она меня за ухо укусит».

Если это единственное опасение Васильева, пусть живёт спокойно. Где он почерпнул такие представления о революционерах? Насколько мне известно, даже Троцкий, Каменев, Зиновьев и Владимир Ульянов никого за ухо не кусали. Я тем более человек мирный, интеллигентный и хорошо воспитанный. А вот плечистая, мускулистая, чернорубашечная «Память», пожалуй, не только ухо, но и голову отхватит. Мне тамошние ребята как-то звонили, по-доброму так обещали повесить на фонаре.

А какая же, говорят, Вы мирная, коли цветочными горшками бросаетесь? Тут совсем другое дело. Шёл суд над членами партии «Демократический союз» – участниками очередного несанкционированного митинга. После традиционного беглого рассмотрения кто-то получил сто рублей штрафа, а кто-то двести, 20-летняя Леночка Авдеева десять суток, а я, главный организатор, ничего. Причина заключалась в боязни разборок с прессой и общественностью.

Словом, надо было заставить по-прежнему советское по форме и духу правосудие исполнять советские законы хотя бы в репрессивную сторону. Как? Путём совершения какого-нибудь маленького теракта, желательно без жертв и кровопролития. Я выбрала самый лояльный вариант и швырнула горшком в окно, а потом объяснила председателю суда, что, если не получу наказания, то перебею все остальные окна. Там было чем. Вокруг, знаете ли, вечный ремонт: доски, палки, кирпичи... Судья сразу всё понял и стал выяснять, сколько я хочу получить. Сказала – десять суток, столько и дали.

Не думаю, что мой поступок свидетельствует о дурном воспитании, прилично воспитанные люди ещё не тем на Руси занимались: бросали бомбы, закалывали кинжалами губернаторов, стреляли в монархов. Грех на меня жаловаться.

Тем более плеяда, родная кровь, так сказать. У меня прадед – народник, создавший подпольную типографию в Смоленске; дед – эсдек, который сидел в илимском остроге, а впоследствии служил у Будённого. Отец, правда, оказался обычным представителем советской генерации.

В 17 лет я поняла, что дело честного интеллигента – подобрать оружие, выпавшее из рук белой армии, и драться дальше. А через 21 год, в 1988-м возникла партия «Демократический союз». Меня называют лидером ДС, но это не так: иерархия у нас не предусмотрена. Мы – этакie кошки, гуляющие сами по себе; вольные художники-импрессионисты, каждый со своим мольбертом. И с партбилетом без номера, но с красивым девизом из неприятного для СССР поэта и барда Александра Галича: «Ты сможешь выйти на площадь в твой назначенный час». У меня назначенных часов было много. Если подвести некоторые итоги, то в мои 42 года в активе семнадцать арестов, семь месяцев и три недели отсидки в подобающих учреждениях.

Мы боролись с прежней властью. Но после августа так называемые аналитики пояснили, что приверженцы тоталитаризма потерпели поражение, а демократический российский парламент укрепился. Но простите, о каком парламентаризме, о какой демократии вы говорите? Парламенты, советы – всего лишь сборища статистов, которых пригласили на массовку, а они на свою беду приняли это всерьёз. Шестой съезд нашей партии, проходивший в январе 92-го, высказался за упразднение всех органов старой власти, включая не только советы, но и мэрии, префектуры, а также президентские посты.

Пока народ не очистится покаянием и не отодвинет в сторону власть, которая к покаянию не способна, мы не можем говорить ни о правовом обществе, ни о демократическом государстве, ни о парламентаризме.

Покаянием народа будет демократическая революция. Она начнётся со всеобщей политической стачки под лозунгом устранения всех структур власти. Коль власть уходит, конфликт исчерпан. Начинает сопротивляться, применять танки – конфликт заканчивается вооружённым восстанием.

Вам кажется странным, что члены ГКЧП сидят в тюрьме, а я остаюсь на свободе? Разумеется, это крайне несправедливо, но дело вот в чём: гэкачеписты, являясь верными сподвижниками Горбачёва, Ельцина, Яковлева и Шеварднадзе, в попытках стабилизировать ситуацию имели с названными лицами небольшие разногласия. Но у большевиков соратники-еретики всегда считались опаснее врагов, ведь именно они, а не мы выступали реальными соперниками нынешнего руководства. Вот их и убрали с помощью разыгранного путча, а меня, призывающую к действительному свержению советского строя, держат на свободе в чисто рекламных целях.

Впрочем, в «психушку» на экспертизу меня всё-таки отправили. И планировали повторять такие эксперименты регулярно. Однако им хватило четырёх дней сухой голодовки, чтобы комиссия дала нормальное заключение. Больше на этом роле они не играли...

Считают, что никого из так называемых революционеров не уважаю. Почему же? В исторической ретроспективе с уважением отношусь к народовольцам, к героям 1905 года – тем, кто ничем себя не запятнал и не дожил до 1917-го – скажем, Бауман, Бабушкин. После Октябрьского переворота можно говорит об уважении к людям, боровшимся с большевиками до последнего. Гумилёв; террористы, взорвавшие большевистское совещание.

Вы спрашиваете про генерала Власова? Я отношусь к нему и всем власовцам с состраданием. Несчастливые люди не нашли брода в огне. Но для меня такой путь вряд ли был бы возможен, мне ближе Карбышев, чем Власов, позиция последнего слишком лёгкая и доступная. Почему он не выступил против Сталина до своего плена?

Я и ДС выступаем против режима здесь и сейчас! И не планируем бороться за торжество демократии потом и в эмиграции. Один из немногих принципов, который у нас свято блюдётся – отказ от эмиграции как поступка морально недостойного. Мы предпочитаем умереть там, где стоим.

Развитие дальнейших событий в стране многовариантно. Например, все тихо и мирно умрут с голоду. Это любимое занятие советского народа, он освоил его в совершенстве.

Может возникнуть реставрация коммунистической или возникновение консервативно-охранительной диктатуры. Тогда у честных людей появится возможность честно умереть – даже у несчастных бездарных демократов, даже у Ельцина: его поставят к стенке, он умрёт и отчасти искупит свою вину.

Вариант самый оптимистический? Какая-то часть народа хватается за голову, сознательно выби-

рает свободу со всеми её издержками, и мы свергаем эту власть. Далее возникает временное революционное правительство, через полгода проводятся выборы в учредительное собрание и начинаются глубокие реформы...

На кухне тесной двухкомнатной хрущёвки в Марьиной роще, где вещала Лера, сидели и пили чай вполне мирные еврейские бабушки.

– Лера, иди к нам ужинать!

– Я не ем на ночь.

– Тогда вот тебе ржаной сухарик, на всякий случай.

– Не люблю я сухари, тем более чёрные. В Лефортовской тюрьме каждые два дня дают вкусную булочку. И сыру сколько угодно.

Александр. Клуб. «Вечерний клуб»

И т-у-у-ут.... И тут! Осенью 91-го меня, через некоторых общих знакомых, просят подготовить какой-то материал для новой газеты «Вечерний клуб», а затем приглашают туда на работу – всего-навсего спецкором, а позже обозревателем. Согласился, забыл про комсомол, партию и кандидатуство; отрастил бороду, волосы до плеч и бросился в пучину свободной журналистики.

Нет, не так. Характеристика «Вечернего клуба» как *просто новой газеты* – это слабо. Хотя про новую газету – чистая правда. Но описывать её стоит, опираясь на яркие аналоги. Скажем, вот:

Бонд. Джеймс Бонд.

Гуд. Робин Гуд.

И получится: Клуб. «Вечерний клуб».

Уже лучше! Брендом именно такого уровня в Москве стал «Вечерний клуб» в начале 90-х.

Как вспоминали очевидцы, и я вместе с ними как тесно приобщившийся к явлению, это была газета-мечта. Пусть читатель самостоятельно поразмыслит, по каким причинам, но не могло быть такой газеты ни до, ни после 90-х. И это тоже правда: не было такой газеты ни раньше, не стало и потом.

Создал «ВК» Валерий Евсеев в трудном и противоречивом 1991 году. Само по себе событие характерно для революционного периода, когда новые газеты, журналы, каналы, программы резко и бурно стартуют. Дальше хочется сказать «расцветают» и «процветают», но это, к сожалению, не совпадает с действительностью. Случается, конечно, что расцветают и временно процветают, но чаще бывает, что быстро погибают.

«ВК» расцвёл в считанные месяцы. Во-первых, потому, что Валерий Петрович был не мальчиком с улицы и даже не талантливым начинающим журналистом. В его профессиональном портфеле уже лежали главное редакторство в журнале московских стройотрядов «Студенческий меридиан»; школа «Смены», «Правды», «Московской правды». Во-вторых, попали газетой в актуальную и незаполненную «нишу», а это не только профессионализм, а ещё и удача, провидение, подарок Божий.

История у «ВК» суперинтересная. Решение об издании новой московской газеты принимали в апреле 1991-го. А приняло его... Бюро Московского городского комитета КПСС. В надежде на то, что газета будет отстаивать, так сказать, накопившиеся за 70 с лишним лет советской власти идеалы. Первый пробный номер «Вечернего клуба» вышел накануне 19-го августа; второй, тиражом 999 экземпляров, 28-го августа 1991-го. На фасад этого номера выставили снимок от 19-го августа, когда Пушкинскую улицу (ныне Б. Дмитровка), где располагалась редакция «ВК», перекрыли бронетранспортёрами. А «настоящий» первый номер «ВК» пошёл в народ 2-го октября.

Как вспоминал Валерий Евсеев, мой сначала начальник, потом наставник, затем партнёр и, наконец, многолетний друг, «мы сначала не знали, каким надо делать «Вечерний клуб». Одно казалось бесспорным: исходя из названия, газета должна быть клубной. Но что такое «клубная газета», мы тоже тогда толком не знали. Свою истину мы искали в спорах и экспериментах, интуитивно, шаг за шагом продвигаясь к искомому. Если посмотреть наши первые выпуски, то можно увидеть, что каждый последующий номер отличался от предыдущего».

В канун выхода сотого номера напечатали на машинке манифест:

– Мы, члены Общественного совета и редколлегии «Вечернего клуба», все как один заявляем о полной поддержке курса газеты, выраженного известным девизом: меньше политики, больше выпивки и закуски...

Конечно, это шутка, для внутреннего пользования. Но под ней поставили свои автографы Юрий Нагибин, Никита Богословский, Юрий Никулин, Ирина Мирошниченко...

Серьёзное обращение к читателям опубликовали в начале 1993-го:

– Нельзя всё население усадить за круглые столы политических дискуссий. Людям по-прежнему по душе столы иной конфигурации. Для тех, кто считает так же, мы и открыли на страницах нашей газеты клубы самого разного направления. И для поклонников театра, кино, музыки (разной), литературы, авангардного искусства; для знатоков истории, спорта; для любителей домашних дел и даже для интересующихся всякими оккультными штучками... Да и клубные встречи с людьми интересными публикуем практически в каждом номере. Судя по результатам подписки на нынешний год, читатель оценил эти предложения и принял девиз нашей газеты: «Минимум политики, максимум информации и хорошего настроения»...

В Общественный совет редакции вошли, помимо уже перечисленных персон, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Борис Брунов, Ольга Остроумова, Эдуард Успенский, Иосиф Кобзон, Клара Новикова, Лев Лещенко – и это не полный перечень уважаемых всей страной людей.

«ВК» вскоре окрестили «газетой московской интеллигенции». Казалось, что в редакции шумела, ругалась, смеялась, выпивала вся культурная Москва. Немало и «простых» читателей знали, что здесь их всегда выслушают, да ещё за чаем, и придумают, как вместе сделать город чище, свободнее, умнее и вообще нашим.

А какой пул золотых перьев сложился! Ну, скажем, звезда нынешнего холдинга «Комсомольская правда» и участник президентского пула Александр Гамов; дочь секретаря ЦК КПСС и главного редактора «Правды» Михаила Зимянина музыкальный критик Наталья Зимянина. Кроме штатных сотрудников было много тех, кто отдавался газете «не по службе, а по душе».

Взять хотя бы Никиту Богословского со знаменитыми «Заметками на полях шляпы». Никита Владимирович публиковал эти заметки в «ВК» на злобу дня 90-х годов. Вот кое-что из них:

– В пустынных степях Аравийской земли

Пока ни копейки для нас не нашли.

– Примета нашего бремени – банк «Российский кредит».

– Постановка «Гамлета» сегодня – это Шекспир во время чумы.

– Вышел в свет новый бестселлер: «Руководство по затягиванию поясов».

– ЧВС (Черномырдин Виктор Степанович – премьер-министр, ранее председатель правления «Газпрома» – авт.) прошёл огонь, воду и газовые трубы.

– Распродажа – это когда на ценниках обозначается настоящая стоимость товара, а сверху пишется вдвое большая и зачеркивается косым крестом.

– У членов всех творческих союзов теперь осталась только одна важная привилегия – платить членские взносы.

– Немало демократов перебивало в коридорах власти. В кабинеты их не пускали.

– Я налоги платил невысокие,

Мы с женою прилично жили,

Но теперь, как нам пел Высоцкий,

«Обложили меня, обложили!»

– Об одном среднеазиатском президенте:

Это есть наш последний

И решительный бай!

– Потомки про нашу эпоху будут говорить: «Вре́мён собчаковских и отделенья Крыма».

– «Новые русские»... А есть ещё «новые нищие».

– Борис Ельцин. Борис Немцов. Борис Федоров. Борис Березовский. МногоБорье...

Был Никита Владимирович, по Грибоедову, «чувствителен, и весел, и остёр» до последних дней. На любую фразу мог моментально ответить шуткой. Как-то раз я по ошибке назвал Богословского Никитой Сергеевичем. Композитор и писатель, народный артист СССР в свои 90 лет отреагировал мгновенно:

– Молодой человек, Вы путаете. Никита Сергеевич ноты писал, а я – музыку!..

Шляпа с заметками лежала в редакции «ВК» и вдохновляла нас на творческие подвиги.

Вспомню ещё одного «внештатника» – поэта-юмориста Володю Вишневого, который тоже живо откликался в «Вечернем клубе» на «опыты быстротекущей жизни».

На августовский путч 91-го:

– Роня ключ,

Прижав к груди буханки,

Вот так войдешь домой,

А дома – танки.

На одну из первых заметных бизнес-структур «Российская товарно-сырьевая биржа»:

– И я шепчу во сне, охренивая:

Российская! Товарно-сырьевая!

И на любимую любовную тему:

– Мадам!

Для Вас не жаль и брокерского места!

– Сегодня в Сексе всё важнее Бартер...

Вместе с текстами «Вечерний клуб» производил само творчество как таковое. Оно помогало вместо чиновничьих отчётов, выборов, демократических и коммунистических дискуссий, жалоб на нынешнюю жизнь и возвышений жизни прежней находить *другие* аспекты и события нашей действительности; вместо «белых» и «красных», «врунов» и «правдолюбцев» идти к *иным* людям – способным на обычное человеческое общение, рассуждающим без надрыва и не бьющим себя кулаком в грудь, обладающих талантом взглянуть на происходящее мудро, спокойно, сочувственно.

Алла. Не кочегары мы, не плотники

Мы поженились вскоре после окончания съёмок фильма «Высота». Сто процентов людей старшего поколения помнят песню, которую Коля там поёт: «Не кочегары мы, не плотники...». На премьере фильма в Доме кино сидим рядом с ним. Когда герой «Высоты», а его тоже звали Николаем, произнёс с экрана: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» – зал взорвался аплодисментами. С тех пор мы прожили вместе 34 года. Редкая пара в кинематографе может похвастаться таким супружеским стажем...

Много курьёзов связано с киносъёмками. Снимали на Украине фильм «Дикий мёд» по роману Леонида Первомайского. Коля в этом кино не играл, а мне досталась любопытная роль. Ничего себе роль: ползать по-пластунски между танками; снаряды, пусть и холостые, рвались постоянно; копать пороховая прочно въедалась в кожу. Николай приехал и возмущается: «И эта чумазая – моя жена? А ну сейчас же домой!». Мы с режиссёром его давай успокаивать, еле уломали. А уехал – началась опять та же самая пальба.

Или ещё случай. Есть город Хвалынский на Волге – не слышали? А ведь там родился сам Сулов (в советское время секретарь ЦК КПСС по идеологии – авт.!) Коля туда на съёмки, а в городе грязь; ни асфальта, ни дорог приличных нет. Николай и без того не в духе, а его ещё полдня заставляли шагать по этой грязи с транспарантом в руках. Он вспылил: «Если в своём родном городе Сулов не может порядок навести, то что же говорить о всей стране?!»

Сама-то я коренная москвичка, а Коля родом из Воронежской области. Учились мы вместе во ВГИКе у Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамары Фёдоровны Макаровой. Николай тогда был жуть каким худющим: жил в общежитии, питался в столовках. Однажды не оказалось масла на завтрак, так он съел с хлебом целую банку майонеза. С того времени видеть майонез не мог, на дух не переносил...

Кто только ни бывал у нас дома! Писатели, композиторы, художники, спортсмены, космонавты. А особенно знаете кто? Шахматисты! Представьте, собрались гости. В одной комнате заседает мужская шахматная компания: Спасский, Таль и, конечно, «гроссмейстер» Коля. В другой играют в покер, здесь партия складывалась сугубо женская: Нонна Мордюкова, Лариса Лужина; правда, Фима Геллер иногда подсаживался. А в третьей комнате накрывали стол для «смешанного» общения.

Старшей дочке Алёне было годика четыре. Приходит она из сада и культурно говорит гостям: «Добрый вечер». Гости отвечают: «Добрый вечер, деточка! Ой, какая хорошенькая!» Просыпается утром, а гости на тех же местах. Она спокойно говорит «Доброе утро». Гости: «Доброе утро, деточка! Тебе хороший сон приснился?» Да, весело жили...

Дочки уже большие. Старшая работает монтажёром ТВ «Останкино», младшая – полиграфист.

Николай любил и умел готовить, причём, не по книгам, а по призванию, по вдохновению. То

сибирскую стряпню затеет и всех гостей посадит раскатывать тесто и лепить пельмени, то капусту решит засолить. Бывало, такую сотворит, что куда бы я ни отправлялась, всюду брала с собой баночку. А какие он закатывал помидоры! Они славились среди московских гурманов, здорово шли под водочку. Последний раз Коля готовил свои помидоры летом 1990 года, обещал: «Седьмого ноября отведаем». Но пришлось есть на поминках...

Очень жду воскресного вечера его памяти в Доме кино. Жду встреч со старыми друзьями, тепла. Понимаете, прошло два года, как Коли не стало, а на его могиле до сих пор нет приличного памятника. Очень уж дорого всё нынче. Надеюсь, часть собранных на вечере средств пойдёт именно на это.

13-го декабря ему исполнилось бы шестьдесят два. Весёлым человеком был мой Коля. Поэтому давайте не будем грустить в день его рождения. Давайте лучше вспоминать доброе, хорошее, светлое!

Давайте я Вам супу налью! Или, может, чаю?..

От супа и чая я отказался, а водочки – с удовольствием помянул бы рюмкой хорошего артиста – хозяйка не предложила. Оглядел квартиру. Да, она была четырёхкомнатной, но как большая и шикарная могла восприниматься лет двадцать назад, но не сейчас. Алла Дмитриевна одета в спортивный («олимпийский», с тремя полосочками) костюм тоже из 70-х. Актриса грустна и лишь чуть-чуть оживилась на том самом вечере памяти супруга. Она не вписалась в 90-е и умерла, ещё не старой, накануне их окончания.

Иван. Жизнь, она вечная

Вы просите меня поделиться впечатлениями о нынешнем времени, о 90-х. Но какое-такое время? Всегда люди жили, всегда переживали, всегда существовало хорошее и плохое, злое и доброе. Я не смотрю на отдельные эпизоды того или другого времени, я смотрю на вечное. А вечное было всегда, есть сейчас и после нас будет. Поэтому я расскажу о вечном.

ЦАРЬ

Снимали сказку «Иван да Марья», где я играл царя Евстигнея Тринадцатого. Жили мы в Калуге, а моё царство – великолепный бревенчатый терем – располагалось километрах в пяти от города.

Раз встал я часов в семь утра, надел лапти, костюм из мешковины, корону и приехал на место съёмки. Постоял-постоял, съёмочной группы ещё нет. Зашёл во дворец, сел на трон и уснул. Пронулся от топота. Открыл глаза и вижу: во дворец входит свадебная процессия. Впереди отец в сапогах, мать в платочке, невеста с женихом, подруги невесты, друзья жениха...

Подходят ко мне родители и просят:

– Царь-батюшка, благослови молодых.

– Какой я царь, – хочу сказать, – я ведь артист.

Но у матери такая мольба в глазах. Думаю, а что, благословлю.

– Становитесь вот сюда на колени, – показываю жениху с невестой.

Положил им на головы руки и говорю:

– Я, царь Евстигней Тринадцатый, благословляю молодых. Желая счастья, чтобы любили друг друга, уважали старших. Желая... – и не знаю, чего дальше желать.

– Аминь, – говорю.

И когда я произнёс «аминь», мать мне что-то в руку сунула. Посмотрел: десять рублей. Говорю:

– Мать, подожди, я хоть и царь, но не взяточник, возьми обратно.

А отец ей шепчет:

– Я тебе говорил, что надо дать больше...

ШУКШИН

Я снимался в Киеве и жил один в двухместном гостиничном номере. Раз прохожу мимо дежурного и слышу такой разговор:

– Вот приехал тоже артист, а мест нет.

Смотрю – стоит человек в кожаных сапогах, в гимнастёрке, в кепке, с большим старым чемоданом. Я подошёл к нему:

– Будете со мной жить? У меня одна кровать в номере свободная.

– Буду, – отвечает.

Оформился, берёт чемодан, вроде тяжёлый.

– Чего там, камни, что ли?

Засмеялся:

– Да нет, так...

Пошли в номер, сели. Я на свою кровать, он – на свою. Сидим и смотрим друг на друга.

– Меня, – говорит, – звать Василий.

– А меня Иван.

– Давай на «ты».

– Давай.

Раскрывает свой чемодан и выкладывает на стол обыкновенные ученические тетради:

– Я, говорит, беспокойный сосед, рано встаю.

– Во сколько?

– Да в полшестого – шесть.

– Зачем так рано?

– Я немного пишу....

Ну, значит, живём. Раз прихожу вечером домой – его нет. Почитал, лёг. Десять часов, одиннадцать, двенадцать – нет. В первом часу заявляется «под банкой», говорит:

– А-а, твою мать, интеллигент, Кадочников (Народный артист СССР, исполнитель роли лётчика Алексея Мересьева в фильме «Повесть о настоящем человеке» и многих других ролей – авт.).

Ну-ну, думаю, встанешь ты в шесть часов.

А потом слышу утром сквозь сон – тапки шлёпают, он действительно встал, взял тетрадь и пишет. Поднимаюсь, он ко мне:

– Иван, встал? Ну, пойдём на базар.

– Зачем?

– Там вино очень хорошее.

– Не, у меня съёмки.

– Да пойдём, деньги есть.

Живём дальше. И однажды я ему говорю:

– Вась, я на тебя обижен. Ты меня интеллигентом зовёшь, да ещё Кадочниковым. Сам ты интеллигент!

А я знал, что он хоть из деревни родом, но лошади у него не было. Значит, запрягать не может. И задаю ему вопрос:

– Ты можешь лошадь запрячь?

– А ты можешь?

– Могу.

– Ну как?

– Сделай вот так вот руки. Смотри: это оглобли, вот сюда я лошадь завожу, – начинаю ему таким манером всё показывать. И когда я затянул супонь, потянул чересседельник и закричал радостно «но-о-о», он начал хохотать:

– Ну, поймал!

СТАРИК

Однажды в свободный от съёмок день мне советуют:

– Слушай, поезжай в соседнюю деревню, там живёт интересный старик.

– Я поехал. Захожу в дом и вижу: сидит могучий дед с бородой, в валенках.

– Отец, чего в валенках-то, жарко ведь?

– Ноги болят, – говорит.

Попросил меня накопать ему картошки в огороде, я накопал ведро, приношу и спрашиваю:

– Дети-то есть?

– Двое, один военный.

– Деньги дают?

- Да, дети хорошие, денег хватает.
- А где жена?
- Ушла. К другому мужику, уж скоро два года.
- Два года?! Сколько ж ей лет было?
- 68.
- Далеко ушла-то?
- В деревню за четыре версты.

Ну, думаю, надо сходить посмотреть, что за Джульетта такая. Пришёл в другое село:

- Мария Степановна из соседней деревни где живёт?
- А, невеста... (её там «невестой» звали). Вон в том доме.

Стучу. Выходит маленькая старушка, во рту два зуба и больше ничего примечательного нет.

- Я от вашего бывшего мужа.
- От Кольки? Ну, заходи. Как он там кондыбачит?

Я спрашиваю: что же Вас заставило в такие годы уйти к другому мужчине?

А она:

- Любовь.
- Где ж Ваш новый муж?
- Митька-то? В огороде, сейчас позову.

Появляется Митька, такой же маленький, остроносенький, в галифе и разговаривает только матом. Старуха кур запустила в огород, а он её ругает. И во всём этом ругательном монологе одно приличное слово – «куры».

– Куры, .. твою мать! Куры, трам-там-там!

И так далее. А она в восторге:

– Во, какой!

* * *

Ну что, это не про сегодняшнюю жизнь? Я считаю, что про сегодняшнюю. Это про вечную жизнь.

А про всякую ерунду рассказывать... Вот смотри, принесли мне недавно сценарий. Внук приводит девушку и уединяется с ней. А дед подсматривает в щелку и комментирует: ух ты, ах ты, вот, мол, как это делается...

Да сыграю я это – на улице будет стыдно выйти, скажут: старый дурак, из ума выжил? Вроде мы и не знаем, где что находится. Как будто мы сами не можем ничего! Да это не сегодняшний день, а похабень какая-то, и рассказывать тут нечего!

Ну, давай на посошок...

Александр. Детство человечества

Есть такая популярная трактовка античности: мол, это – детство человечества. Подобное видение исповедовал даже сам Карл Маркс, имея в виду совокупность философских учений, возникших в Древней Греции и Древнем Риме.

Несколько иной смысл вкладывала в понятие «детство человечества» мой преподаватель истории античной литературы на журфаке МГУ профессор Елизавета Петровна Кучборская. «Человек с другой планеты», как Кучборскую называли и называют её слушатели, считала, что античность – древнегреческое «детство человечества» – это незапятнанное, незамутнённое, неконъюнктурное восприятие мира и отражение его в литературе, в первую очередь, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера.

– О, как мне жаль вас: вы не можете читать Гомера в подлиннике! – вскрикивала Елизавета Петровна на своих лекциях и заливалась реальными слезами прямо на кафедре.

Древний Рим, по её мнению, уже не был «детством человечества», поскольку теперь ушли все «не» и остались замутнённая, запятнанность и конъюнктура. Поэтому из двух вопросов экзаменационного билета (по древнегреческой и древнеримской литературе) второй вопрос она просто игнорировала или рассеянно, не прерывая студента, слушала.

К чему это я? К тому, что «Вечерний клуб» был условным аналогом трактовки Маркса и Куч-

борской. А именно «детством новой журналистики». Апофеозом же этого детства стала довольно большая вкладка в газету (четыре полосы размером А2) под названием «ВК и сыновья».

Мне было тогда 37 лет, спецкору «ВК» Игорю Панкову – 30, а начинающему журналисту, ещё студенту Феде Мозговому – вообще 19. При всей разности во многом, что-то нас объединяло, и мы пошли к Валерию Евсееву с абсолютно неконкретной просьбой:

– Валерий Петрович, хотим что-то втроём замутить.

Евсеев же воспринял просьбу совершенно конкретно и без удивления:

– И правильно! Хотите – мутите. Начинайте делать молодёжные выпуски «ВК» и придумайте, как их назвать.

– А что в них должно быть?

– Ребята, вам несказанно повезло. Сейчас можно всё! Отсюда что придумаете, то и должно быть. Главное, чтобы читали.

И мы погнались! В первом выпуске «ВК и сыновья» опубликовали, как и полагается, «Обращение к народу», ни больше, ни меньше:

– Соотечественники! Пока птицы сбиваются в стаи, рыбы – в косяки, деклассированные элементы – в массы, чтобы не пропасть поодиночке, мы, группа молодых авторов «Вечернего клуба», решили собраться в компанию «ВК и сыновья». Отцы «Вечернего клуба» благословили нас на творческий поиск, заранее простили блудных сынов своих за пассажи, эпатажи, плюмажи и даже...

Задачи нашего авторского выпуска просты до неприличия: нам – нескучно работать, а вам (хотелось бы надеяться) – нескучно читать. Так что жди нас в гости, драгоценный читатель! А мы всегда рады приветствовать тебя в нашей компании...

Первый выпуск получился стёбно-крутым. Стёбность выражалась, например, в опросах московских школьников на тему «Любимые лидеры современности». Вот что получилось (в порядке убывания рейтинга):

– 1. Никто. Все надоели.

2. Жириновский. Пупсик Ельцин скоро сдуется, а Жириновский будет ещё быстрее работать руками, как ветряная мельница. Потому что он пытается в такое трудное время веселить народ.

3. Козырев (в то время министр иностранных дел России – авт.): вечно улыбается как во сне и не хочет просыпаться.

4. Травкин (демократ, лидер Демократической партии России, выходец из строительных бригадиров, возглавил один из сельских районов Московской области – авт.): человек дела – поехал в деревню, чтобы на себе испытать все трудности...

Стёбным был и блок «Из жизни замечательных людей (подражание Даниилу Хармсу)», где речь шла уже о персонажах исторических:

...«Как Есенин пописать пошёл».

Поэты Осип Мандельштам и Борис Пастернак подозревали, что Есенин – есть скрытый еврей, и наперебой приглашали его пописать. В конце концов, Есенину это надоело, и однажды он сказал: «Ладно, идёмте».

После этого случая Мандельштама больше никто не видел, а Пастернак так перепугался, что даже отказался от Нобелевской премии.

...«Как Станиславского хватил кондратий».

Константин Сергеевич Станиславский мало доверял людям. Приносит ему, к примеру, официант счёт за ужин, а он: «Не верю!». Говорят, что на улице дождь и нельзя выходить без калош, а он опять своё: «Не верю!». Так и шлёпает по лужам в штиблетах.

Однажды артист Ливанов решил проучить Станиславского. Достал из кармана портмоне с ассигнациями и спрашивает:

– Константин Сергеевич, не Вы обронули?

Тут Станиславского и хватил кондратий...

Что же касается крутизны, то таковую отражала полоса с говорящим названием «Очень крутые маршруты». А там – «Война и мир генерала Аушева» (про героя-афганца, а впоследствии президента Ингушетии Руслана Аушева), «Я зол, похабен и груб» (про артиста Петра Мамонова), «Снежные барсы штурмуют Аннапурну» (про моего товарища-альпиниста, мастера спорта международного класса Владимира Башкирова).

Мы с удовольствием делились площадями с «братскими» газетами – такими, названия которых и тогда, и сейчас никто особенно не знал в силу быстротечности их рождения и ухода в небытие, но очень прикольными. Вот напечатанный в «ВК и сыновья» маленький рассказец Виктора Трушкина «Два – три», проливающий в художественной форме немного света на ситуацию в стране того времени:

– Борис Николаевич, вызывали?

– Ну.

– А чего?

– Что же у вас цены-то?

– Что?

– Скакнули как.

– Интересно, мы ту причём?

– А кто? Вы экономисты, вы рассчитывали.

– Так у нас всё сошлось.

– Что сошлось? Обещали в два-три раза, а они в двадцать-тридцать.

– Это жизнь вмешалась. Она у нас непредсказуемая. А по расчёту должно в два-три. Всё точно.

– Точно... Сказали в два-три, а они в двадцать-тридцать! Когда всё наладится?

– Месяца через два-три.

– Опять два-три... Не подведёте?

– Когда мы подводили?

– Расчёты окончательно когда будут готовы?

– Часа в два-три.

– Вы, кроме двух, трёх, какие цифры ещё знаете? Дыра в бюджете большая ожидается?.. Я спрашиваю: дыра в бюджете большая ожидается?

– Миллиарда два-три. Всё будет нормально, Борис Николаевич! Вот дайте руку. Видите, у Вас на ладони та линия враскосяк идёт с этой?

– Ну и что? У меня давно так.

– А всё! Значит, всё будет нормально!

– Могу обещать людям?

– Спокойно. Наука гарантирует. Но в первое время, когда станет хорошо, ещё будет плохо, и народ нас за это может того, Борис Николаевич.

– Чего?

– Ссильничать.

– Сколько раз?

– Раза два-три...

Сто экземпляров только что отпечатанного номера «ВК» с нашей вкладкой сами вынесли на Пушкинскую площадь. О результатах свидетельствовала заметка в следующем номере газеты: «Мы купились на Пушке 100 раз за 15 минут».

Руководству понравилось:

– Давайте мы вас наградим. Может, съездить хотите куда-нибудь, развеяться, только не слишком далеко?..

И мы – я, Игорь, Федя и примкнувшие к нам фотокор Игорь и редакционный стажёр 18-летняя девушка Саша (она примкнула совершенно зря, поскольку рано) – буквально на 3-4 дня поехали в Питер. События во время поездки развивались почти как в бессмертном произведении Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

Сев в поезд, мы выпили за успешную поездку. В течение ночи тост повторялся несколько раз. Утром в гостинице «Октябрьская» мы выпили за благополучный приезд. Мы хотели выпить ещё, но тут в фойе гостиницы увидели Юрия Никулина.

– Юрий Владимирович, здравствуйте, а можно у Вас взять интервью?

– Нет, я очень спешу.

– Тогда расскажите анекдот хотя бы...

– Лучше я вам загадку загадаю. Сначала простая загадка: сколько слонов может поместиться в автомобиль «Запорожец».

– Ну, смотря что имеется в виду...

– Отвечаю: четыре. Поскольку в техническом паспорте «Запорожца» написано, что перед нами четырёхместная машина. Теперь загадка посложнее. В Питер приехал цирк «Шапито», и вы спешите на представление слонов. Но как определить, приехали слоны к вашему приходу или нет?

– Э-э-э...

– Даю ответ: если «Запорожец» стоит возле цирка, значит, слоны уже здесь!..

Меж тем нас уже ждали в родственной газете «Вечерний Петербург». Выпили и там, за дружбу газет всего мира. Потом разъехались кто куда. Я встретился с двоюродной сестрой Валентиной, которая жила в Питере, в её квартире и просидел с Валею за коньяком всю ночь.

Когда приехал утром на такси в гостиницу, оказалось, что прибыл первым. Чуть позднее подтянулись остальные участники премиального вояжа. Выпили за хорошо проведённые день и ночь, а потом – за день будущий. Позвонил мой питерский приятель, и мы все безотлагательно поехали к нему. Выпили за дружбу Москвы и Питера...

Вернувшись к Москву, пошли к Валерию Евсееву. Выпили и с ним, а потом выложили на стол полностью спланированный очередной выпуск «ВК и сыновья» под заголовком «Сыновья с приветом из Северной Пальмиры». А в нём трогательный рассказ о посещении митьков в их штабквартире (выпили и с ними), мой огромный материал «Баллада о чёрном рыцаре. Миллион секунд из жизни Александра Невзорова» (я достал Александра Глебовича прямо в знаменитой тогда студии «НТК-600», не пили) с довеском от Игоря Панкова «С точки зрения мамы» (а он параллельно доставал маму героя, тоже обошлось без алкоголя).

Евсеев был поражён и поделился впечатлениями с замом, доктором философских наук Николаем Михайловым:

– Смотри, Коля, их отдохнуть-побухать отпустили, а они какие материалы привезли! Орлы!!

Не всё задуманное получилось в Питере: жаль, но переговоры с народным артистом СССР Кириллом Лавровым и лидером группы «Наутилус Помпилиус» Вячеславом Бутусовым результативными встречами не увенчались. Но всё равно успели много. Как же это сочеталось с балдежом? А так: молодость, задор, здоровье.

И такой отрыв в режиме «детства человечества» или «детства журналистики» – уже было не понять, где что, поскольку трактовки сильно смешались, – продолжался аж целых полгода.

Митёк. Ящерица, закон и Пол Маккартни

– Ну, заходите. Зачем пришли? А-а-а-а! Хотите, чтобы я вам что-нибудь почитал? А за что вы со мной так? Я что, убил кого-нибудь? Ограбил? (Тут Митёк замечает принесённую нами бутылка портвейна «Агдам», оживает и меняет тональность).

Сейчас для начала я почитаю вам Пушкина (открывает бутылку, наливает и пьёт).

Пушкина не надо, что-то своё? Ну, ёлы-палы, ладно. Тут рассказ Володя написал про Гребешка нашего и сынка его Глебушку, дык я зачу. «Ящерица и закон» называется.

– Гребенщикову подарили ящерицу. Удивительно красивую, совершенно зелёную. Видимо, заграничную. Гребенщиков и Люда (жена Б.Г.) просто наглядеться на неё не могли – держат в ладонях и смотрят, какая она зелёная, светится, переливается искрами. Добрая очень, хорошая. И только Глеб (сын Б.Г.) люто невзлюбил ящерицу.

Мы как раз в тот вечер отмечали отъезд Гребенщикова в Америку, и весь вечер из-за этой ящерицы грустно было. То Глеб ей на хвост наступит, а то взял и опустил в воду, и руку 15 минут под водой держал, не поленился. Ящерицу потом вытащили, а она еле дышит, сидит на одном месте, рот как раскрыла, так и не закрывает. Люда слезами плачет, взяла ящерицу в руки, стала гладить, отогревать, всё дышит, дышит на неё. А ящерица совсем холодная. Не ест ничего. Засунули ящерицу в банку с тараканами – она на них ноль внимания.

Потом постепенно отогрелась, рот закрыла, стала хвостом вилять, тараканов наворачивает, уши торчком, шерсть распушила. В общем, видим, – будет жить. Ну, все на радостях стали спокойно пить, и всё вроде хорошо.

Просыпаюсь утром на диване, глаза разлепить ещё не могу, только мычу тихонько, чтобы кто-нибудь помог. И слышу рядом такой разговор.

Боря тихо с мукой спрашивает у Глеба:

– Глеб, ты трогал сегодня ящерицу?

– Нет, не трогал.

– А видел её сегодня?

– Видел.

– Подходил к ней?

– Подходил. (Митёк-рассказчик произносит эту реплику трёхлетнего ангеловидного мальчугана неимоверно низким, рычащим, грубо агрессивным голосом, полным нескрываемого торжества и глумления над всем светлым, добрым и чистым. Реплика исполняется с ёрническим завыванием, переходящим в неразборчивый мат и какое-то лающее хрюканье).

– И что же ты с ней сделал?

– Застрелил!

Тут пауза. Я ничего не вижу ещё, но слышно, как у Бори с похмелья чердак поехал; он совсем растерялся, не понимает пока:

– Как... чем застрелил?

– А вот пистолетом...

– Как ты её застрелил? Разве он стреляет?...

– А вот так! (Слышен резкий стук деревянного пистолета об стол).

Тут очень долгая пауза. И потом Боря, совершенно изнемогшим голосом даже без всякого выражения:

– Глеб, Глеб! Вспомни, как ящерица была живая, играла с тобой, и вот теперь она лежит раздавленная... Как же ты мог?

– Закон такой!!!!...

Провожая нас, Митёк рассказывает:

– Вчера пошёл в гости к Виктору Цою, взял у него все пустые бутылки и сдал их, выручив 11 рублей.

Позавчера пошёл в гости к Борису Гребенщикову и, сдав гребенщиковские пустые бутылки, выручил 13 рублей (потом ещё братки 4 рубля добавили).

Третьего дня хотел пойти в гости к Константину Кинчеву, да меня отговорили: Кинчев, сказывают, в Москве.

– А может, к Полу Маккартни?

– Да ну, у него такие бутылки, что и не примут...

* * *

В 1992-м пятидесятичным тиражом выпускалась «Митьки-газета» под глубоко непротивленческим девизом «Митьки никого не хотят победить». Цель издания декларировалась так: как можно меньше рассказывать о том, что наше правительство в очередной раз лопухнулось, и как можно больше – за чем жить на свете, зачем быть хорошим и зачем (почём) растут цветы...

БГ. Наш спонсор – Рамзес Четвёртый

Про изменения к худшему пишут газеты. В действительности же плохо стало старикам и старушкам – это я вижу. Но если брать среднестатистических русских людей, мне не приходилось наблюдать, чтобы они умирали с голоду. А бардак в России был всегда, мы привыкли жить в бардаке.

Что касается меня, то в 1984-м я жил, сдавая бутылки, которые находил на лестнице. Теперь мне этого делать не приходится. Кстати. Их до сих пор принимают или уже нет? Так что мой уровень жизни, наверное, вырос. Но главное в другом: по своей насыщенности, по числу написанных песен за тот или иной период жизнь всегда одинакова.

Когда-то я читал Булгакова, Аксёнова, Стругацких, восторгался трилогией Толкина. Теперь я не читаю книг. Зачем их читать?

Известно, что в 1994-м начнётся изменение жизни на этой планете: с нашим сознанием пересекутся несколько иных сознаний. Неожиданно станет ясно, что мы не единственные живые существа во Вселенной. Тот, кто давно закамуфлированно общался с другими мирами, будет общаться напрямую. В этой связи мы с Дэйвом Стюартом и другими людьми, а также существами нечеловеческого

плана давно работаем над проектом открытия сети православных монастырей на побережье Англии, Шотландии, Италии, Испании.

Я много поездил по России. Но особо тёплые отношения связывают меня с Поволжьем. Это потому, что мы все с Волги. Мы бурлаки. Из небесного Иерусалима вытекает небесная Ганга, вдоль её берегов мы и бурлачим.

Кто спонсирует наше творчество? Кроме Рамзеса Четвёртого, никого нет. Я не вижу необходимости продавать своё физическое, астральное или ментальное тело кому-то, кто мог бы прийти и сказать: «Я вам денежки отстёгивал? Теперь давайте пляшите». Мы пляшем, когда нам хочется.

И вообще; всё, что нужно, само происходит. И желать ничего не надо.

Граф. Ебелдосы нам не друзья

К прозвищу «граф» я отношусь категорически отрицательно. Бред, манерщина. Но разные бывают дамы, с разной степенью романтических наклонностей. Совершенно это несправедливо, ничего у меня нет графского, дворянского, и никогда не было.

Живу в роскошных, обалденных апартаментах в виде однокомнатной квартиры без лифта и горячей воды на последнем этаже трущобного домика на улице Достоевского. Всё хозяйство на мне.

А по поводу женщин вот ещё что: меня раздражает, когда женщина имеет по какому-то вопросу собственное мнение. У неё должно быть мнение того мужчины, которому она принадлежит. У меня здесь абсолютно узбекский и абсолютно древнерусский подход. Женщина нормальная должна твёрдо и спокойно знать, что всё, о чём нужно подумать и решить, за неё подумает и решит мужчина...

Вы хотите знать, есть ли у меня политические симпатии. А как же! Политические симпатии есть даже у Петрова. Расскажу про него. Прошлым летом, когда «Секунды» закрыли (популярная передача «600 секунд» на питерском ТВ – авт.), в студию стал кто-то скрестись. За дверью обнаружили серого в полоску кота, который сразу же зашёл в мой кабинет. Пришельца оставили жить и нарекли Борисом Михайловичем Петровым (в честь тогдашнего председателя Лентелерадио). Ласково-уменьшительное имя зверя – Петрусик, а кличка – Аппаратчик. Всамделишный Петров крестника невлюбил и однажды рекомендовал изловить на телестудии всех котов и кошек под предлогом борьбы за сангигиену. Но «Секунды» в обиду Петрусика не дали и тайно вывезли в укромное место, завернув в знаменитую кожаную куртку.

Кот в совершенстве овладел местной политграмотой. Очевидцы вспоминают, как он, подойдя к газетному киоску, бросился на демократическую газету «Смена» и порвал её. Плохо относится Петрусик и к «Независимой газете». А вот «День» очень уважает.

Мои симпатии... Варенников, Лукьянов, Язов, а также все члены законного правительства, которое свергнуто и арестовано. В симпатиях к этому правительству я спешу личный раз объясниться.

Если говорить не о сегодняшнем дне, а о собирательном образе, нужно назвать Жукова. Это одна из самых сильных фигур как мировой, так и русской истории. К сожалению, он не сделал того, что мог и должен был сделать...

А теперь об антиподах. Постройте антипод к фамилии Жуков – у вас сразу получится существо с фамилией Шапошников. Двучлиный, улыбчивый, вёрткий.

Кто будет антиподом Столыпину? Ваш московский Попов, откровенно рассуждающий на страницах прессы о том, какой величины взятки можно брать, а какой нельзя.

Мы, конечно, отомстим. Того же самого Горбачёва будут не просто судить, а растерзают. Но молока в дивной запотелой бутылке по 30 копеек уже не вернуть...

Чёрт знаем кому – даже стыдно имя произнести – позволятся в эфире русского телевидения объяснять, в связи с КГБ владыка Питирим или нет. Да мать их за ногу! Православным людям решать, подходит им такой владыка или нет. Пусть и был он в связи с КГБ – может, нам так нравится! Наша вера – наше дело, чего лезут! Да я при встрече за перенесённые унижения на колени перед Питиримом опущусь и край мантии поцелую...

Принесли плёнку с видеозаписью процессии, сопровождающей гроб с телом Великого князя Владимира Кирилловича (умер в США в апреле 1992-го года. В соответствии с завещанием останки перевезены в Санкт-Петербург. Похоронен в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора – авт.). Граф смотрит и комментирует:

... Великая княгиня Леонида! Урождённая Багратиони? Я со смеху помру – она ведь племянница Берии.

А вот охрана Собчака. Хорошие ребята – такие пьяницы!

Гляди-гляди, дама в тюрбане (Людмила Нарусова, жена губернатора Санкт-Петербурга Анатолия Собчака – авт.). В кружевах, голову скорбно опускает, а потом глазками стрель-стрель по сторонам: все ли оценили её вселенскую скорбь? (Оператору): Дима, я тебя Христа ради просил Собчачиху не снимать, а то опять будут говорить, что меня терзает тайная любовь к ней...

Вы удивлены? Как это я с такими убеждениями и без всякого благоговения? Да, я с «такими» убеждениями, я монархист. Но монархизм – это идеология, а не приверженность какому-либо конкретному лицу или даже династии, которая к тому же полностью себя скомпрометировала. То, что Вы видите сейчас, никакого отношения не имеет к русскому царскому дому. Похороны превращены в элитарное мероприятие, власть имущие устроили для себя тусовку, чтобы ощутить собственную светскость. Избранным людям в городе дозволено постоять у гроба Романова, который не Романов; Великого князя, который не Великий князь; провести под руку его милейшую супругу...

Вы поймите правильно: я ничего не имею против Лаврентия Павловича, даже с симпатией отношусь. Шучу? Может, и не шучу. Мы имеем дело с мифом. Он создан для того, чтобы когда мы начали думать о своём славном, великом прошлом, эти минуты были омрачены какой-то пакостью. Начало положил, как известно, Солженицын, а потом миф о глобальных, повальных, тотальных репрессиях стал стремительно развиваться. Причём, миф этот засланный, на его внедрение затрачены колоссальные деньги.

И ебелдосы миф всячески поддерживают! Вы не знаете, кто такие ебелдосы? Это люди, которые постоянно кричат: «Ельцин. Белый дом. Свобода!» С ебелдосами мне точно не по пути.

* * *

В кабинете Графа висят две поясные мишени со сплошь изрешечёнными «десятками» и чуть задетыми «девятками», пуль по сорок в каждой. Это для души – «мелкашка» с оптическим прицелом.

Стоит манекен, а на нём бронежилет с вырванным животом («Бронежилет привезли из Москвы. Решили его испытать боевым оружием. Недели на манекен – вот Вам результат, пробило»).

На столе у Графа лежит какая-то газета, на ней – застреленные Графом два часа назад утки. Течёт кровь, и струйки её пересекают газетные столбцы.

Александр. Даже поздороваться не с кем

В Каминной собирался народ. Сев возле камина, Владимир Дашкевич с медалью лауреата Государственной премии СССР на лацкане пиджака выбрал, вероятно, не самую удобную позицию, так как прибывающие гости то и дело любопытствовали:

– Володя, тебя за что наградили-то?

– За оборону Советского Союза.

Других пояснений и не требовалось: собеседники, старые и молодые, с чинами и без оных оказались вместе именно потому, что понимали такие шутки, и сочиняли такие песни, и почитали своё братство физиков и лириков. В братстве этом Нина Жукова была не заместителем министра культуры, а просто студенткой («Вон, смотрите, женщина – в институте она училась на курсе с Кимом и Вахнюком»); Татьяна Никитина – не вице-префектом Центрального округа Москвы, а половинкой песенного дуэта с мужем Сергеем; доктор наук Александр Городницкий басил в микрофон нечто совсем не похожее на научный доклад, но от этого не менее значимое и любимое:

От злой тоски не матерись,
Сегодня ты без спирта пьян,
На материк, на материк
Ушёл последний караван...

Завтра здесь будут предаваться грёзам поклонники джаза, послезавтра встретятся коллекционеры-филателисты, потом – желающие познать секреты йоги...

Отсчитаем два этажа и попадём в большой зал, на концерт Национального симфонического оркестра.

стра Михаила Плетнёва. Или на «Биг-Бэнд» Григория Гараняна. Или на спектакль театра «Артист» с Фатеевой, Малявиной, Кузнецовым и Ясуловичем...

Итак, мы в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) – старейшем творческом доме столицы: зданию на Пушечной улице перевалило за 160. Когда-то здесь располагался Немецкий клуб, сменивший с началом первой мировой войны вывеску на «Славянский». Стены дома помнят, как начинающий актёр Алексеев, ставший впоследствии Станиславским, играл в любительской постановке гоголевских «Игроков» роль Ихарева. Сюда, в Клуб работников коммунального хозяйства, дважды приезжал вождь пролетарской революции Владимир Ленин.

Я перебираю старые фотографии. Вот Василий Иванович Качалов взял с тарелки одну виноградинку и как-то тоскливо на неё смотрит. А вот писатель Анатолий Иванов, он отвечал за политмассовую работу в ЦДРИ, торжественно принимает дар коллег с Украины – картину с изображением Леонида Ильича Брежнева, погружённого в мысли о народном благе.

В Доме есть люди, знавшие великих мастеров не только по фотографиям. Рассказывает заведующая творческой секцией Энгелиса Погорелова:

– Увидев однажды Леонида Осиповича Утёсова, спросила у него, почему давно не заглядывал. Утёсов в ответ:

– А чего теперь здесь, даже поздороваться не с кем. Ходят вон какие-то лохмачи...

«Лохмачом» был Гена Бортников (актёр театра и кино, народный артист России – авт.) только что вернувшийся из Франции, где его окрестили советским Жераром Филиппом. Услышав об этом, Утёсов удивился:

– Да?! Ну, хорошо. Жаль только поздороваться не с кем...

Как-то раз заскочил в ЦДРИ на минутку один знаменитый француз – Поль Мориа. Какова российская минутка, сами понимаете: выставили маэстро два ящика шампанского, и завертелся пир горой до утра. Любопытно, что именно в эту ночь Сергей и Татьяна Никитины спели «Под музыку Вивальди», а вскоре появилась импровизация песни в исполнении оркестра Поля Мориа.

Так бы и продолжать до конца: Дом всех муз, традиции, шутки-байки и сплошные удовольствия. Однако не получится. Прежний хозяин ЦДРИ – ЦК профсоюза работников культуры – Дом теперь не финансирует. Как же решаются вопросы? А так: снимает кто-то из ветеранов ЦДРИ телефонную трубку и говорит, примерно, такое:

– Ося, ты знаешь, у нас совсем нет денег, надо бы дать платный концерт.

С той стороны слышится голос Иосифа Кобзона:

– О чём разговор, готовьте билеты.

Руководство Дома хвалит своих сотрудников: «У нас сотрудники верные, трудолюбивые, прекрасные!» Но зарплаты у прекрасных сотрудников мизерные. Часть помещений передана под офис биржи «Алиса». Целый этаж отдан ресторану, работающему исключительно на собственную клиентуру, никаких узнаваемых завсегдатаев из числа служителей муз здесь не встретишь – отучили.

Дом распродаётся, растаскивается по кускам, а кардинального решения проблемы нет. Старый, с Лубянки, вход в дом давно заколочен, войти можно от станции метро «Кузнецкий мост». Протолкавшись через барахолку, через пьющих алкашей, через разудало-примитивные мелодии совковых звукозаписей. Всё это норовит прорваться и туда, внутрь. А Дом противится. И до сей минуты остаётся храмом, пусть обветшалым и неприбранном,

... где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались...

Сегодня они улыбнутся оперным пением, а завтра – исполнителями-бардами; сегодня – классикой, а завтра – авангардом. Дом держится.

Пётр. Зато я умею лета-а-ать

Не нужны мне никакие интервью в наших газетах и журналах. Плевать мне на общественное мнение, которое ни черта не понимает. Я сам свой.

Почему? Потому что лет тридцать назад сказали, что у меня нарушена координация рук и нет слуха. А если бы не сказали, может, ничего и не было бы. Может, я читал бы «Трёх сестёр» и слушал лай дорогих собак. И знался с чужой женой, и ездил бы с ней на юг. А у себя в квартире изрекал бы глубокомысленно: «Кошка, которая мочится дома – плохой пример для ребёнка». Я занялся бы спортом, купил фотоаппарат и делал снимки.

Ночью, когда все соседи спят, я решал бы кроссворд и радовался. А днём думал о самом главном: наступает новое время, все строят планы, хочется всюду успеть, новые кинопрограммы так интересны. Надо идти вперёд. Смотреть бодрее. Быть весёлым, терпимым и абсолютно надёжным. Сверхтерпение. Транснадёжность.

Я бы работал и копил деньги, поселился в просторном доме и наклеил на стены уборной кафель. Бросил бы курить и ходил в глаженных рубашках. Я бы стал пусиком, рыбонькой и ласточкой. В пятьдесят второй понедельник я надевал бы красивый костюм, а ум, смеясь, оставлял в шкафу. Я делал бы взгляд пустым и на каждый вопрос отвечал «за». Я мог бы бросить хамоватые замашки и стать хорошим. До хорошего гроба.

Но я стал сторожем, оставшимся без работы. Шофёром, забывшим карту мест. Лифтёром с пустой головой, еле считающим до ста. Я брал консервный нож и вырезал на столе разные буквы. Мне надоело жить в этом доме, разбирать кровать и экономить деньги. Видеть лица учителей и участвовать в первенстве по футболу. Леня ходить по городу, звонить по телефону и любить женщину.

Я лежал на диване и думал про деньги, которые мне дадут в долг. И надеялся лишь на то, что утром меня не тронут, не разбудят и не позвонят. Я целый день пил красное вино, а ночью смотрел видео и от этого сходил с ума. А от белого вина у меня появилась белая горячка, синий почталъон, чёрный медальон и страшный чёрт. Со слабой дрожью я наливал в стакан горькую влагу, а когда она кончалась, валился на грязный пол.

Я ел на помойке, пил из луж, искал на земле хлебные крошки. Меня мочил дождь и давили машины. Я стал грязен и болен, я превратился в серого голубя, в старого волосатого попугая. Ноги гудят, в ушах вата. Цвет красный, число пять, вкус кислый.

Меня перестало интересовать, когда я сдохну. Приехал Никсон, и всех повязали. Порядок у них такой: разделся и в ванную. Кто не хочет, тому предписание: в буйную и без передач.

А потом я узнал, что, несмотря на тонкую шею, которую очень легко скрутить, я *у-ме-ю ле-та-а-а-ать*. Меня перестала смущать свежая краска газет, не способных дать ничего, кроме несбыточных мечтаний. Я понял, что мода на чёрные ботинки, розовые внутри, или лозунги за счастье народа – в сущности одно и то же. Что каждый вечер и каждый день – это несколько сот минут секса с самим собой. Что вокруг пышут золотом, плаваются, дышат, двигаются и живут сплошные мумии. Мне вдруг стало ясно, что усталость профессионалов кончается смертью. Что не может быть травы, растущей с середины стебля.

И тогда мой лифт стал лифтом на небо.

И тогда я сказал своим гостям, что все они творческие импотенты.

И тогда я начал везде кричать, что мы делаем фальшивые деньги. И все наши моральные заповеди ни копейки не стоят. Вы готовы поспорить? Вы торжественно рассуждаете о смысле жизни: «Родить ребёнка. Посадить дерево. Написать книгу. Вот наше предназначение». Бросьте! Дерево всё равно повалит, поэтому лучше спилите его сами и сделайте себе ящик. Извольте что-нибудь ещё?

– Я помню чудное мгновенье –

Передо мной явилась ты...

И это теми же интонациями и голосами, что много лет вдумчиво и проникновенно произносили: «Мы строим социализм. В одной отдельно взятой стране». Бред! Маразм!

Просто надо взять какую-нибудь штучку – гитару или, например, се-ксо-фон и научиться с ней хорошо обращаться. И на этом заработать деньги, которые кинуть в харю подтянутому и хорошо выбритому таксисту. Или купить бутылку водки, тут же вылить её в себя и заговорить гомеровским гекзаметром. И получить вопрос: «Не псих ли ты?». Нет, скорее, вы сумасшедшие. Ладно, больше не буду.

Лучше пойду на кухню,

Выпью воды стакан,

Лучше пойду на кухню

И отверну кран.

Вам не нравится моё творчество? Вам ближе мистер Феллини? Тогда позвольте мне поселиться в музее.

Там бы на досуге
Танцевал я буги,
Плясал бы на досуге
Я с чучелами буги,
Танец буги...

Виктор. А чаще всё-таки коктейль из пива с самогонкою

Из детства. Идём с мамой по городу и видим афишу. А на ней громадными красными буквами выведено: «Виктор Т.». Прямо заворожило. С одной стороны, моя фамилия, моё имя; с другой – не я. Заворожённость прошла не скоро, с появлением собственных афиш.

Но от светлого образа однофамильца всё равно никуда. Однажды приезжаем с моим директором в Ялту. Встречает дама из филармонии и чуть не целует:

– Давно ждём, народ соскучился по Вашему искусству. Залы будут полными, как и в прошлый раз.

– Да мы здесь вроде не выступали, – говорю в ответ.

– Обижаете, мы Вас помним.

Потом просекла, что Т. не тот, схватила за голову и выдала совершенно замечательную фразу:

– А я сдуру люкс заказала!..

Я не поэт, не музыкант и не певец. Называюсь банальным термином «автор-исполнитель», другого, к сожалению, не придумали. Крёстным отцом в искусстве считаю Высоцкого, близким по духу – Талькова. Может быть, о них строки песни:

Если боль выливается через край,
А душе нету места в крошечной мгле,
Вот тогда Бог уводит поэтов в рай,
Не давая им мучиться на земле...

Я считаю, что любой человек, поэт в особенности, появляется на земле для выполнения высшей миссии. А когда совершает предназначенное, то уходит из жизни. И Высоцкий, и Тальков, с которыми я был знаком, до конца сделали то, что должны были сделать.

Бывает и другое: человек изменяет своему предназначению, и тогда ему тоже нет места на этом свете. К сожалению, второе случается чаще:

И лишь для избранных дуэль,
С кончиной под иконкою,
А чаще всё-таки коктейль
Из пива с самогонкою...

Игорь (Игорь Тальков – музыкант, певец, поэт, киноактёр, убит в октябре 1991-го года – авт.) чувствовал свою смерть. Как-то один его приятель испугался лететь на самолёте, а Тальков сказал: «Со мной можешь не бояться, я умру по-другому – меня застрелят».

А я пишу песни трудно и нечасто. О том, что пережил сам. О Боге. О России. О любви, конечно:

А помнишь, мы у «Звёздного» ловили такси,
Я в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал,
И в сотый раз прощаться просто не было сил,
Я лишь глаза печальные твои целовал...

Я ведь родился в Риге и прожил в этом городе большую часть жизни. Во время учёбы в техникуме начал играть и петь, из-за чего попал на фестиваль художественной самодеятельности. Познакомился там с девушкой из Москвы, началась любовь. Я приезжал в Москву, она в Ригу, звонили друг другу чуть не каждый день. Даже когда я в армии служил под Москвой, она какое-то время приезжала ко мне, а потом... не дождалась. Жила она возле кинотеатра «Звёздный». Всё правда в песне, только про такси выдумал: не было у нас тогда денег на такси.

В разгар «перестройки» я, как и многие, неистово боролся с большевизмом. Шёл вместе со своими песнями «мимо сборников всех речей, мимо тридцать седьмых ночей, мимо зон и тройных по-

стов, мимо храмов, что без крестов». Но на каком-то отрезке этого пути родились несколько другие слова:

Можешь верить в Христа,
Можешь верить в строй,
Только святость нужна душе.
Колокольню свою построй,
Но не тронь, что стоят уже!..

Настоящее не сильно отличается от прошлого. Когда-то стиралась история царской России со всеми своими ценностями, Богом. И сейчас точно так же считается всё, что относится к прошлому. Вечная борьба: то социализм борется с капитализмом, то капитализм с социализмом.

А я теперь не хочу ни с кем бороться. И формулирую собственную задачу так: научиться любить людей. Это важнее и интереснее, чем борьба с большевизмом...

Ни к каким группам, движениям, течениям себя не причисляю. Одному непросто, но держусь. Оставил Латвию, потому что не захотел быть гражданином второго сорта, и вот пишу песни на чужой московской кухне.

Какими придём мы к родному порогу,
Последние грешники ста поколений,
Что скажем в своё оправдание Богу,
Когда упадём перед ним на колени?

Я не знаю, какими придём и куда. Это относится не ко мне, а к каждому из нас. По большому счёту, я на сцену выхожу именно за тем, чтобы заронить такой вопрос в души сидящих в зале. Хочется быть услышанным. Хочется ещё многое написать.

Что поделаешь – молюсь,
Страшно, знаешь, умереть.
Что поделаешь – боюсь
Не успеть о главном спеть...

Александр. Кому без Руси жить хорошо

Летом 92-го сидел я в одной уютной квартире... ну, в общем, не один. Было хорошо, но денег оставалось катастрофически мало. Такие ситуации случались в моей жизни нередко, но подходил я к ним примерно одинаково: «Деньги — навоз, сегодня нету – завтра воз. Поэтому последнюю оставшуюся купюру надо оперативно пропить». Я побежал в магазин и купил две бутылки дешёвого молдавского вина. Думать о том, на что я буду покупать вино завтра, не хотелось. А хотелось вспомнить фильм «Живые и мёртвые» со знаменитой и чрезвычайно загадочной фразой: «Они не знали и не могли знать, что...».

То есть и я не знал, что уже на следующей неделе мне придется плотно совместить журналистику с пиаром и освоить заветный материальный рубеж объёмом в миллион рублей. С нашими инфляциями-дефолтами-деноминациями вспомнить о том, что можно было купить на миллион в 92-м, трудновато, но возможно – помогает опубликованная в нашем «ВК и сыновья» справка. Итак:

- «Что можно купить на среднюю зарплату в 1246 рублей?
- 303 кг картошки в госмагазине.
- 62 кг пончиков.
- 10 бутылок водки.
- 1 кг импортного кофе.
- 2,5 банки икры (чёрной, «с рыбкой»).
- 5 маленьких кокосовых орехов.
- 0,05 автомагнитолы «Панасоник».
- 1,5 штанов мужских коротких.
- Одну туфлю.
- Рукав кожаной куртки или одну штанину от джинсов.
- 124 поездки на метро...»

Добавлю к этому, что моя зарплата в «ВК» составляла, примерно, три тысячи рублей, и это счи-

галось сносным. Надеюсь, вы поняли, что миллион в 92-м воспринимался совсем неплохо! Что происходило в рамках этого миллиона, я теперь и расскажу.

Итак, две бутылки вина. Красивая женщина. И телефонный звонок. Звонила знакомая. Она излагала не очень желающему слушать мне историю о том, как готовится оперно-балетный фестиваль «Красная площадь приглашает», как для фестиваля на базе популярных тогда «Московских новостей» предполагалось выпускать специальную газету, как что-то там не склеивается. И предлагала взяться за это дело мне.

А почему мне? Из скромности забыл упомянуть, что имелась у меня под рукой одна московская городская газетка – «Точка зрения». В предыдущие годы я её издавал, и вполне успешно, на партийные деньги, а после 19-го августа компартия всё бросила и разбежалась в разные стороны. Бросили и эту газету, с юридическим лицом, мной как главным редактором и даже кое-какими деньгами. Ну, я её как-то на плаву поддерживал и, судя по поступившему предложению, не напрасно.

Сказав уверенное «да», следующим утром я сидел в хорошем двухэтажном номере безжалостно сметённой впоследствии с лица земли гостиницы «Интурист» на Тверской улице и беседовал с человеком по имени Омари Сохадзе, из визитки которого следовало, что он является генеральным директором фирмы «Интертеатр», она-то и организовывала фестиваль.

Что это за фирма? Как говорил сам Омари, «это агентская компания с филиалом в Лондоне, которая занимается международными контактами в области искусства». А сам он вроде бы окончил Тбилисскую академию художеств, преподавал в Московском архитектурном институте, занимался дизайном, писал пьесы и даже романы... А потом решил замахнуться на нечто более масштабное.

– Что Вам нужно, чтобы быстрее начать работу? — спросил Сохадзе.

– Бюджет в... миллион рублей.

– Договорились. Что еще?

– Офис.

– Занимай соседний номер!

– Автомобиль.

– Э-э-э, дорогой, остальное сам решай.

Через неделю у меня работало человек двадцать пять. Номер в «Интуристе» жужжал, как улей. Стучали пишущие машинки (да-да, ещё стучали, хотя сам я в Академии общественных наук уже привык и пристрастился к компьютеру и даже подумывал о покупке такового), люди бегали туда-сюда, в типографии «Московская правда» верстался макет. А я в одиночку определял содержание номера. Как в сказке про Курочку Рябу: не простого номера, а золотого; такого, чтобы не просто интересно читался, но и чтобы показывал всё величие фестиваля «Красная площадь» вместе с организаторами.

Получалось? Во многом да. В первом номере, который удалось отпечатать вечером 3-го июля, накануне открытия фестиваля, уже стояло интервью с одним из главных героев фестиваля – знаменитым испанским тенором Хосе Каррерасом, а рядом – с Игорем Моисеевым, Валентином Юдашкиным.

Во втором номере, который вышел через три дня, в разгар фестиваля, мы рассказывали о том, как фестиваль триумфально начался, как пели Евгений Нестеренко и Зураб Соткилава, танцевали Владимир Васильев и Екатерина Максимова, как гремели фейерверки и выражали свое удовлетворение именитые зрители.

Омари опять был доволен, заметив, однако, что номера надо активно продавать. На продажи я никогда не подписывался, не стал заниматься ими и на этот раз.

В третьем... Про третий номер Омари сказал, что его выпускать не надо. А я все равно оплатил все расходы и под занавес фестиваля выпустил. Хотя, может, и зря.

Но я не думал о деньгах, когда предложили (всего-навсего вдвоем с коллегой) поехать в аэропорт и встретить саму Майю Плисецкую. Она долгое время провела за рубежом, в конце 80-х – начале 90-х работала художественным руководителем балетной труппы «Театро лирико националь» в Мадриде. В Россию прилетела специально на фестиваль.

– Прибыл самолет из Мадрида, буднично произнес голос из динамика. А в VIP-зале всё спокойно: кроме нас с партнером, всего два человека – пожилая женщина да мужчина лет тридцати с небольшим. Родственники, знакомые?

Появилась Майя. В чёрных брюках, красной блузке со змеящейся золотой кистью. Рыжие волосы. Слегка напряжена: что за люди вокруг, как себя вести, на что настраиваться? Раскланиваюсь, представляюсь от имени фестиваля, вручаю букет из пятнадцати больших роз и начинаю задавать вопросы, а она отвечает, довольно неохотно.

– ...По поводу того, насколько много для меня значит отъезд в Испанию. Ничего не значит! Просто я работала в Испании, а теперь уже не работаю. В Испании больше нет классического балета, только модерн. Только без туфель, босиком – совершенно другой стиль. Им так нравится, но это не мой профиль. Я люблю модерн, но не сильна в нём и тренером здесь не могла бы быть. Так что Испания – это уже прошедшее.

– Майя Михайловна, в одном из интервью Владимиру Васильеву задали вопрос: до каких же пор Вы будете танцевать? А он ответил: видно, на том свете отдохнем. А ему уже шестой десяток...

– А мне седьмой. Так что ж, бросить? И чем прикажете заниматься?

– «Не знаю, кому на Руси жить хорошо, — говорили вы когда-то. — По-моему, никому». Изменилось ли что-то теперь?

– Я должна сначала всё увидеть. Боюсь, что лучше не стало. Я слышу кругом только плохое. Но может быть... Я хотела бы, я очень хотела, я мечтала бы об этом... Если у вас есть такие букеты, не всё потеряно.

– Вы сказали «у вас»?..

– Да у нас, конечно, у нас. У меня только эта культура, только этот язык. Родное мне только то, что тут. Поэтому и больно...

На следующий день она танцевала «Лебедя» на Красной площади. А в редакции «ВК» трепетно распечатывали сделанную наскоро в аэропорту чёрно-белую фотографию. На ней я стоял вдвоем с Плисецкой и... оказался слепым!

Ничего, сказал ретушёр (была и такая должность – и никаких фотошопов; работали руками, кисточкой, пером, мазилкой), мы тебе глазки откроем. И открыли – вышел сумасшедше-хитрый прищур. Зато Майя Михайловна получилась хорошо! Снимок поместили в номере «ВК» на первой полосе.

История с «Красной площадью» закончилась одновременно помпезно и прозаично. Мы отметили успех в банкетном зале Кремлевского дворца съездов. В честь главного гостя, Хосе Каррераса, из Испании самолетом подогнали шампанское Codornio. Среди гостей был даже старик Иван Козловский (советский оперный и камерный певец, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда – авт.), бодрый и весёлый в свои 92 года. От власти присутствовал вице-мэр столицы Сергей Станкевич.

А потом Омари Сохадзе объявил себя банкротом. Из заветного миллиона я получил 700 тысяч, чего хватило, чтобы расплатиться с нанятыми людьми и самому не думать некоторое время хотя бы о том, на сколько бутылок ещё хватит.

Лёва. Миллионер – это социально незащищённый человек

Давай откроем рассказ Горького «Один из королей республики». Начинается он так:

– Это вы... миллионер? – спросил я, не веря своим глазам.

– О, да! – ответил он, убеждённо кивая головой...

Ну, ты вспомнил *того* миллионера, собеседника Алексея Максимовича? Он был сухим, лысым старичком с золотыми зубами. Он мало кушал, интересовался молоденькими артистками и страстно любил две книги – Библию и Главную Бухгалтерскую. Пролетарским писателем он воспринимался как диковинка.

Но годы летят, и вот уже мы сами имеем немалое количество «деревянных» (скоро, при такой инфляции, таковыми станут все), и некоторое число конвертируемых миллионеров. По телевизору и в прессе из второй категории засветился, может, десяток-другой. А где остальные? Они, как и положено, невидимые, так сказать, герои. «Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем, однако бодр и свеж, и дожил до седин, монашеским известен поведением!..»

А я «невидимо» езжу на «Жигулях», «невидимо» живу в обычной «двушке». Ну, «видашник» «Самсунг», двухкассетник «Шарп», кокер-спаниэль – это самое большое, что может броситься в глаза.

Из еды могу позволить себе практически всё, что продаётся в Москве, но это теоретически. А

практически... Скажем, кофе кончается, а в коммерческом магазине банка стоит полтыщи. Не беру, не привык к таким ценам, пытаюсь доставать более дешёвый.

Если говорить об одежде, то покупаю то, что нравится – это может быть и дешёвым, и дорогим. Вот пошли на днях смотреть жене шубу: серьёзные деньги, песец, 78 тысяч. Да неуклюжая какая-то, тяжёлая – не взяли.

Персональным авто пользоваться не люблю. Хотя бы потому, что зависишь от водителя. Но машина бывает нужной в любой время, поэтому гоняю сам. Подумываю о покупке второй: жена тоже водить умеет.

Сакральный вопрос: откуда миллионы? Большинство граждан задаст его в существенно более жёсткой стилистике: где наворовал?! Отвечаю. Я человек дисциплинированный; корпел пять, десять, пятнадцать лет, получая свои сто пятьдесят, двести, триста рублей. А потом вдруг объявили генеральную линию на создание новых экономических структур – дескать, вперёд, ребята! Я взял под козырёк. Схема успеха? Хорошо.

Первое – вкладывать капитал под проценты: в банки, ассоциации, товарищества, во что угодно. Второе – разные посреднические операции. И третье, самое лучшее – вложить деньги в товар. Почему? Потому что никакие проценты не спасают сегодня от инфляции, стабильность даёт лишь товар как таковой. И самый выгодный из товаров – продукты питания. Как говорит народная мудрость, «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Вроде схема гладкая – ан, нет! Нынешняя власть курс-то провозгласила, но зарабатывать мешает. У меня контейнеры с продовольствием из-за рубежа месяц не могут попасть в торговлю, задерживают на таможне: там закорючки не хватает, сям. Система клерков, чиновников осталась прежней, она и служит помехой. Мне? Если бы только!

Убытки от долгой растаможки оплачивать, простите, кто будет? Да тот самый простой человек, о котором на словах все пекутся. Я ведь убытки отнесу на затраты и, стало быть, увеличу цену товара. А ты как думал?!

Приходится ли давать взятки и многие ли чиновники их берут? Приходится. А берут сто процентов. Ну, если напрячься и вспомнить нетипичные исключения, то получится девяносто восемь. Взятка в миллион наличными уже не считается большой суммой. А начальный рубеж – хоть борзыми щенками!

Миллионер, как бы странно мои слова ни звучали, человек у нас социально не защищённый. Например, я засветился: ты нарушил наш уговор и раскрыл «общественности» мою фамилию. Что дальше? Последует какая-нибудь подлянка со стороны государства, типа замораживания счетов за найденные нарушения. Плюс вымогатели из уголовного мира. Придётся увеличить расходы на охрану: удовольствие дорогое, но гарантии полной безопасности всё равно не даёт.

Но самое парадоксальное, ввевшееся многими советскими десятилетиями, – это отношение «простых тружеников». Я на дне рождения у отца, где собирались достойные пожилые люди, и наёмка не допустил на свои миллионы. Иначе сразу бы перешёл в категорию барыг и жуликов. Вот и прячутся по норкам многочисленные Корейки (на всякий случай напомним: подпольный миллионер Корейко – персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» – авт.)...

* * *

В 1992-м, по сведениям газеты «Коммерсантъ», в числе самых богатых соотечественников значились:

- Константин Боровой – президент и главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржи;
- Герман Стерлигов – совладелец системы независимых бирж «Алиса»;
- Сергей Монахов – исполнительный директор объединения «Менатеп»;
- Артём Тарасов – бывший гендиректор внешнеэкономической ассоциации «Исток»;
- Гавриил Попов – мэр Москвы.

Александр. «Сити» – поле чудес на Красной Пресне

Хорошо и широко известна Красная площадь. А Красная Пресня известна, пожалуй, и не меньше, а в Москве точно не меньше. Впрочем, события 1905-го года, когда столичный пролетариат

до последнего бился здесь с царизмом на баррикадах, в народной, особенно молодёжной, памяти существенно стёрлись. Однако о них постоянно напоминает памятник рабочему с булыжником у метро «Краснопресненская», Горбатый мост возле российского Белого дома и множество более мелких объектов. Да и сам Белый дом – тоже краснопресненское детище, но уже из эпохи развитого социализма. А новейшая история Пресни началась как раз в 90-х и затмила собой даже Девятьсот Пятый год...

Я дежурю выпускающим редактором «Вечернего клуба» и сижу в типографии «Московская правда» на улице этого самого 1905-го. Входит Алексей Ситников, хорошо известный в профессиональном PR-сообществе. У Лёши собственная фирма «Имидж-контакт», оказывающая услуги политического консалтинга. Мы слышали друг о друге, даже учились в одной аспирантуре в Академии общественных наук, но ранее никогда не встречались. И, наконец, по телефону договорились о встрече – у Алексея было ко мне какое-то предложение.

Лёша человек очень интересный: увлекающийся, увлекающий и умеющий даже рядовое событие представить в жанре интригующей сказки, в которую, впрочем, большинство слушателей неизменно верит. Сказкой казалось и то, о чём он рассказывал теперь. Что, мол, в Москве, на Красной Пресне вырастет «Сити» – новый город небоскрёбов – а венцом его станет 100-этажная башня. И новое метро. И монорельсовая дорога в аэропорт Шереметьево.

Но в начале 90-х, если кто помнит, всё не строилось, а ветшало и разрушалось. Люди торговали кто чем может и где только можно – на стадионах, в кинотеатрах и даже в туалетах, и тем зарабатывали себе на жизнь. Отсюда у меня возникло не то чтобы недоверие, а полная уверенность в том, что на очереди очередная «панама».

Но я не стал обижать Алексея и только спросил:

– Всё это здорово, но моя персона тут при чём?

– А притом, что я иду в «Сити» советником президента, а тебе предлагаю место руководителя пресс-службы.

После того, как была названа зарплата, раз в пять превышающая ту, что я получал в «ВК», ощутил реальность происходящего и воспроизвёл в памяти строки Маяковского: «Если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно». И ответил Ситникову, что готов строить на Красной Пресне «Сити», Изумрудный город или иное Поле чудес.

Алексей конкретизировал задачу:

– Строить станут другие, а мы *пиаром* будем заниматься!

– Чем-чем?

– Да вот этим. – И Ситников протянул мне оранжевую книжечку англичанина Сэма Блэка с заголовком «Что такое паблик рилейшнз (PR)».

Одолол я книжечку за один вечер. Вспомнил кстати Мольера с его «Мещанином во дворянстве». Герой пьесы на склоне лет с удивлением узнаёт, что есть стихи и поэты. И что он тоже обладает талантом, поскольку владеет другим жанром – прозой, на которой общается всю жизнь. Я тоже понял, что пиаром я всю свою жизнь как раз и занимался.

Именно так вошёл в мою жизнь этот термин, именно наша встреча легла в основу последующей истории-легенды о возникновении российских PR-технологий...

С главным редактором «ВК» Валерием Евсеевым мы поговорили по-хорошему. Именно поговорили, но никак не расстались, поскольку я продолжал писать для «ВК» до конца дней газеты. Но уже через неделю перешёл в «Сити» – акционерное общество, только что созданное для реализации столь грандиозного проекта, что в его реальность полностью не верил тогда, вероятно, никто.

В одном из Красногвардейских проездов, недалеко от «Экспоцентра», рядом с заводом железобетонных изделий стояло типовое кирпичное пятиэтажное здание. В нём располагалась гостиница под названием «Союз-2». Здесь и сформировался мой офис, представлявший собой трехкомнатную квартиру с кухней, ванной и прочими удобствами. Вскоре я получил продвижение и занял пост, официально зафиксированный в трудовой книжке как «руководитель службы паблик рилейшнз». Вместе с Алексеем (он проработал в «Сити» около года) мы набрали людей и стали «толкать» проект вперёд.

Сначала выпускали пресс-релизы с базовой информацией, которую пресса охотно и бесплатно публиковала: общий замысел, создание акционерного общества, его учредители, совместная деятельность АО и правительства Москвы по реализации проекта.

Но о чём информировать дальше, если «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»?! Долгое время ничего такого, что можно было посмотреть и потрогать, вокруг «Сити» не происходило.

Ну и что? Можно рассказать о том, как подобные проекты реализовывались в Великобритании, во Франции. Или... в России. Например, как в 1888-м году возникло акционерное общество «Торговые ряды» – прообраз будущего ГУМа на Красной площади, которое выпускало облигации для граждан: в 1889-м году на два миллиона рублей (тогда очень большие деньги!), в 1891-м – ещё на столько же, в 1892-м – на миллион. Про облигации – не просто так! А зачем, скоро прояснится.

Иной раз фантазия иссякала. Мы листали проектные материалы и находили в них изыски типа красиво нарисованных всяческих садов. Может, сделаем пресс-релиз про всячие сады в будущем «Сити»? Отличная идея! очередной пресс-релиз рассылался по изданиям, и они, представьте себе, такого рода информацию размещали.

Но зачем нужны фантазии и изыски? Какие задачи тем самым решались? Вполне конкретные. Благоприятный информационный фон способствовал тому, что в ноябре 1992-го АО «Сити» и правительство Москвы подписали договор, в соответствии с которым «Сити» получило в долгосрочную аренду участок земли в 13 гектаров; в декабре того же года – ещё один договор, на управление проектом со стороны АО «Сити».

А 30 декабря Минфин зарегистрировал проспект эмиссии АО «Сити» на сумму 1,5 млрд. рублей – деньги и по новым временам немалые. Теперь речь шла уже не о «фоне»: каждая публикация в печати, передача на телевидении оборачивались реальными деньгами москвичей – и физических, и юридических лиц – за выпущенные акции. Необходимость в «всячих садах» отпадала; требовалась информация, благодаря которой можно было бы поднять престиж акций и привлечь народные средства.

Время пошло, открылись пункты продаж...

Отвлечёмся ненадолго от хронологического изложения развития «Сити» и чуть-чуть коснёмся экономического ликбеза. Итак, продажа акций в начале 90-х, что для этого требовалось? Создать акционерное общество, что и было сделано применительно к «Сити». Как добиться того, чтобы акции стали привлекательными и раскупались? Предложить дивиденды по акциям! Отличная идея, но их, и весьма значительные, уже предложили памятное старшему поколению АО «МММ» («МММ – нет проблем», как гласила реклама), АО чековый инвестиционный фонд «Хоперинвест фонд» («Вот мы и в Хопре») и многие им подобные, получившие вскоре название «финансовых пирамид».

Одна из компаний, вроде бы производящая обувь, запустила в телевизионной рекламе слоган «Мы обуем всю страну!». И «обували»...

Вкладчики чего-то не понимали? Многие понимали, но вот какая штука. Человек вкладывал деньги в ценные бумаги АО и получал объявленные заранее по сумме и срокам дивиденды (позднее такие объявления были запрещены законодательно – авт.). Вкладывал все полученные средства в акции – и получал очередные деньги! Вероятно, мелькала мысль, что лафа когда-то закончится крахом. Но, может, не сейчас и не на нём?

И «Сити» намеревалось обусть? Нет: мы хотели показать, что можно делать бизнес по закону, в «белых перчатках». «Сити» не обещало никаких гарантированных процентов – только... светлое будущее. Концепция продаж разрабатывалась такая: АО «Сити» должно стать народным акционерным обществом. Это значит, что каждый рядовой гражданин может вложить свои деньги и приобщиться к городу будущего. А когда он появится вместе с отдачей на вложенные кровные? В перспективе...

Достаточно ли было такой мотивации? Да, в том случае, если бы её поддержали пресса и авторитеты. Кто мог тогда выступать авторитетом? Политики? Нет, они в народном мнении «крикуны и болтуны». Бизнесмены? Нет, они «воры и барыги». Известные артисты? Нет, плохо жилось тогда артистам, сами чуть ли не милостыню просили.

Хорошо бы высказались власти. Да и зарубежные деятели пришлось бы кстати. Но пока происходило обратное.

– «Нас дурят», «Нас хотят обмануть», «Чего стоят так называемые пресс-релизы, рассылаемые господином Москвичёвым!» (мною – авт.) – взывала лозунгами к массам «Российская газета».

А издание «Русский вестник» разразилось статьёй «Откровенная бесовщина», где предлагалось целое исследование:

– ...Начиная с 1915-го года, – гласила статья, – когда появился «Чёрный квадрат» Малевича (символ начала наступления на Россию дьявольских сил) и другие опусы так называемого авангарда, наши соотечественники стали постепенно утрачивать чёткие представления о красоте,

а также способность противостоять злу. Взамен традиционной русской архитектуры в наших городах появились жалкие геометризованные бараки в стиле Баухауза (немецкой школы 1910–1930-х годов – авт.). Они как будто бы имитировали алтари Древнего Востока, упразднённые и сброшенные христианством в пучину прошлого.

Новое наступление, массированное и ожесточённое, началось во времена «хрущёвской оттепели». Прельстившись возможностью получения дешёвого и «удобного» жилья, мы дали разрушить все наши деревянные московские дома, а заодно и пригороды.

По предписанию Посохина (в течение долгого времени главного архитектора Москвы – авт.) построили новые капища или ещё что-нибудь помудреней, как на Калининском проспекте (ныне Новый Арбат – авт.), где и СЭВ («книжка» – ныне здание мэрии – авт.), и остальные посохинские дома своим чуждым русскому человеку видом что-нибудь да обозначают.

После Посохина особым расположением и доверием пользуется Борис Тхор и его творческая мастерская. Именно отсюда берёт начало очередной «проект века» – комплекс «Московского сити». Стопятидесятиэтажные монстры будут маячить в любой точке Москвы, особенно в ясные солнечные дни.

Лукавые мастера от архитектуры вновь находят обоснование силуэту монстров, ссылаясь на аналогии с башнями Кремля. На самом деле только совсем несведущему человеку может быть непонятно, что они повторяют очертания вавилонской башни. Их прообразом и недавним предшественником является неосуществлённый проект башни третьего интернационала, предложенный в послеоктябрьское время Татлиным...

Со стороны власти особенно старался председатель Краснопресненского райсовета и лидер «теневого правительства» Москвы Александр Краснов. Начав с борьбы за сохранение экологического объекта – парка «Студенец», который, якобы, погибнет в ходе строительства «Сити», он со временем ужесточил свои оценки и называл проект глобально антинародным...

Ричард. Что мне сказал Президент Ельцин

Я много раз приезжал в Россию. Конечно, первым руководителем Соединённых Штатов, который побывал в Советском Союзе, был Франклин Делано Рузвельт – это произошло в феврале 1945-го года, в Крыму, на Ялтинской конференции, когда лидеры СССР, США и Великобритании обсуждали послевоенное устройство мира. Но в 1972-м случился именно первый официальный визит американского президента в страну Советов – и этим президентом был я. Разговор шёл об ограничении вооружений и предупреждении войны между ядерными державами.

Вероятно, вы не знаете, что впервые я попал в страну Советов гораздо раньше, и вовсе в... 12-летнем возрасте, в 1925-м году. В числе сотрудников иностранных компаний, которые работали по концессии, мои родители приехали на медные рудники в уральский город Дегтярск. Посетил тогда вместе с ними Свердловск и Первоуральск.

В 1972-м я, уже в качестве президента, приезжал в Москву и встречался с генсеком Брежневым. Я знал, что он любит автомобили и подарил ему роскошный «Кадиллак Эльдorado». Машину доставили в Москву транспортным самолётом американских ВВС. Во время визита мы подписали несколько важных документов. Прежде всего, о противоракетной обороне и ограничении стратегических вооружений, а также, например, документы, положившие начало совместной космической программе «Союз-Аполлон».

Разумеется, посетил с супругой Большой театр, где ставили «Лебединое озеро». А в Ленинграде побывал на Пискаревском кладбище, и меня очень тронула печальная церемония возложения венков на этом кладбище. Я узнал, что там похоронено около миллиона ленинградцев, умерших от обстрела и голода во время войны. Искренне соболезновал ленинградцам.

Вообще-то я встречался со всеми послевоенными лидерами вашей страны, начиная с господина Никиты Хрущёва; потом с Косыгиным, Брежневым, Андроповым, Черненко, Горбачёвым, Рыжковым. В нынешний визит во второй раз встретился с Ельциным.

Да и в этом особняке (специальный особняк для иностранных VIP-гостей на Воробьёвых горах – авт.) останавливался в 1987-м, когда, будучи советником Рональда Рейгана, готовил его визит в Москву. Ходил даже на Черёмушкинский рынок. Там одна старушка подарила мне – не знаю, как это будет по-американски – *semeczki*.

Перейдём к вашему проекту (рассматривает только что подготовленный буклет о «Сити» с кра-

сивыми картинками несуществующих сооружений, ставит на нём автограф). Видно, что это грандиозный проект! Русские всегда славились способностями реализовывать грандиозные проекты. Я уверен, что и здесь вас ожидает успех. Хорошо, что акции «Сити» станут доступны и простым гражданам: став собственниками, они обеспечат поддержку проекта.

Я говорил с президентом Ельциным о новой российской экономике, о больших бизнес-проектах. У меня сложилось впечатление, что президент поддерживает такие проекты и экономические реформы в целом. Наверняка это касается и проекта «Сити».

Я, со своей стороны, тоже готов поддержать этот проект и обязательно расскажу о нём американским бизнесменам...

* * *

На следующий день сразу в нескольких популярных центральных и московских газетах появилась информация о встрече Ричарда с руководством АО «Сити» на Воробьёвых горах. Вот что писала, например, газета экономического профиля «Век»:

– Как выяснилось, экс-президент США Ричард Н. прибыл в нашу страну не только для обмена любезностями с российским и московским руководством. Цель визита известного в прошлом и настоящем государственного деятеля (ныне Ричард Н. – председатель Фонда за демократию и развитие) определялась так: познакомиться с проектами, представляющими интерес для американского капитала.

«Президент Ельцин сказал мне, – делился впечатлениями экс-президент США, – что наиболее масштабным и перспективным является проект Московского международного делового центра (ММДЦ), которым занимается российское акционерное общество «Сити». И я решил встретиться со смелыми людьми, думающими о новом качестве вашей экономики».

В приватной беседе с президентом АО «Сити», состоявшейся в особняке на Воробьёвых горах, Ричард Н. проанализировал ход создания ММДЦ, позитивно оценил тот факт, что акции «Сити» доступны сегодня не только крупным бизнесменам, но и рядовым гражданам России, обещал всяческую поддержку уникальному начинанию...

Серьёзные добавления сделала газета «Коммерсантъ»:

– Экс-президент США Ричард Н. назвал проект «Московский Сити» – крупнейший в России в сфере real estate development – «проявлением нового качества экономики в России» и пообещал всемерно его поддерживать... Внимание представителей высокой политики, считают наблюдатели, положительно повлияет на инвестиционный климат вокруг «Сити», что весьма существенно – на реализацию проекта потребуется около 8 млрд. долларов...

Тему развивала «Московская правда»:

– На днях имело место заслуживающее внимания событие из серии тех, что обыкновенно остаются за рамками официальной хроники. Как выяснилось, экс-президент США Ричард Никсон прибыл в нашу страну не только для обсуждения политических проблем. Он интересовался проектом московского правительства по созданию ММДЦ «Москва-Сити». Достигнута договорённость о продолжении контактов, которые с американской стороны будет осуществлять заместитель Ричарда Н. по Фонду, председатель Центра российских и евразийских исследований Димитри С. ...

Читатель скажет, что в приведённом выше монологе Ричарда Н. *не было* многого из того, о чём потом писали газеты...

Да? Вы так думаете? Вы там присутствовали? А я был! И вообще: в газетах написано – значит, правда!

Сделаю лирическое отступление и приведу цитату из написанной гораздо позже книги Виктора Пелевина «Амфир В». Автор гротескно-ироничен, но ситуацию с медиа нового времени трактует довольно точно:

– Любой современный интеллеktуал, продающий на рынке свою экспертизу, делает две вещи: посылает знаки и протитует смыслы. На деле это аспекты одного волевого акта, кроме которого в деятельности современного философа, культуролога и эксперта нет ничего: посылаемые знаки сообщают о готовности протитовать смыслы, а протитование смыслов является способом посылать эти знаки...

Какой пульс времени на самом деле,... никто знать не может, потому что пульса у времени нет. Есть только редакторские колонки про пульс времени. Но если несколько редакторских колонок

скажут, что пульс времени такой-то и такой-то, все начнут это повторять, чтобы идти со временем в ногу. Хотя ног у времени тоже нет...

Нигде, не прибегая к прямой лжи, не создать из фрагментов правды картину, которая связана с реальностью ровно настолько, насколько это способно поднять продажи... Если связь с реальностью не могла поднять продажи (а она, как правило, не могла), связаться следовало с чем-нибудь другим. Именно сквозь это игольное ушко и шли все караваны...

Вернёмся к интригующей встрече с Ричардом Н., которая закручивалась следующим образом. В кабинете тогдашнего президента «Сити» Александра Хажакяна мы проводили мозговой штурм:

– Вы понимаете, что наши информационные поводы иссякают? – обозначил я проблемную ситуацию.

– Но где я их Вам возьму?

– У Вас же связи...

– Какие связи – все вышли. Ну, вот есть один школьный друг, Дмитрий Р., он теперь в Администрации Президента рулит международными вопросами, могу позвонить.

– Звоните!

– (Звонит). Дима ответил, что помочь не может ничем. Впрочем, дал информацию, что приезжает в Россию на днях экс-президент США Ричард Н., а с ним советник Димитри С. Так получилось, что этот самый Димитри, в прошлом наш соотечественник, женат на дочке Дмитрия Р. И тот может попросить советника, чтобы организовал встречу с Ричардом Н. Да что это даст?

– Что даст? Мой вопрос!

И мы едем на Воробьёвы горы, всего-то втроём: президент АО «Сити» Александр Хажакян, я и фотокорреспондент Игорь. В один из особняков, предназначенных для важных зарубежных гостей, встречаемся с Ричардом Н.

Мы знали, что экс-президент США приезжал в Россию в прошлом, 92-м году. Что под ручку его тогда на глазах миллионов телезрителей поддерживал не кто иной, как Александр Руцкой, опальный вице-президент Российской Федерации при Ельцине – его Ричард Н. навестил почему-то первым. А потом Григория Явлинского, Геннадия Зюганова... Ельцин такой обиды не снёс и заявил, что ни он, ни премьер Черномырдин, ни даже глава администрации Сергей Филатов встречаться с Ричардом Н. не станут: «Пусть знают, что Россия – великая страна, и просто так с ней играть нельзя», – обиженно сказал Борис Николаевич.

И вот новый визит в феврале 93-го. Вспоминает Руслан Хасбулатов, председатель оппозиционно-го по отношению к Президенту России Верховного Совета РФ:

– Когда Ричард Н. в феврале 1993-го года был в Москве, я встречался с ним. Долго беседовали. Мне трудно давать оценку внутренним мотивам рекомендаций Н. по устранению Российского Парламента. Возможно, они находятся в сфере его эмоционально-психологических и интеллектуальных свойств, которые порождали у него, как известно, определенные «вождистские» склонности в период его президентства.

«Вы, Ваше Превосходительство, молодой, но талантливый политик новой плеяды России, – говорил мне экс-президент. – Но Ельцину сложнее, чем Вам – не то образование, воспитание, не та карьера... Вам обоим надо быть терпимее. Вы оба могли бы дополнять друг друга. Ваш интеллект, знания и его напористость. Я хотел бы Вашего примирения...»

Это было сказано на прощанье, при крепком рукопожатии. Я искренне поверил ему. И вдруг такое сообщение: «Н. рекомендует Клинтону поддержать Ельцина в его попытке устранить демократию в России, осуществить государственный переворот и разогнать Российский Парламент...»

Теперь, полагаю, читателю понятно, зачем приезжал в этот раз в Россию Ричард Н. Когда он узнал про «Сити»? Тоже понятно: из нашего разговора на Воробьёвых горах. А знал ли про «Сити» Ельцин? Это был проект московского правительства, так что если Президент всей России про ММДЦ и слышал, то мельком. И с экс-президентом США они про ММДЦ вряд ли говорили. Откуда же информация в газетах? Да пресс-релиз я увлекательный оперативно написал и разослал в медиа! Вот такой он, креативный русский PR, работавший в данном случае на вполне благое дело – рост популярности акций реального и амбициозного проекта.

За акциями выстроились очереди. Они были небольшими, пока в процесс не включился «жёлтый», но с чрезвычайно большим тиражом «Московский комсомолец».

– А вы что; правда за ваучеры акции «Сити» даёте? – спросил меня в ходе подготовки материала корреспондент «МК» Андрей Семёнов.

Напомню, что ваучеры (приватизационный чеки – государственные ценные бумаги, предназначенные в 1992–93-м годах для обмена на активы государственных предприятий, передаваемых в частные руки в процессе приватизации – авт.) в то время можно было действительно либо вложить в акции каких-нибудь предприятий, либо просто продать. Но мы не меняли акции на ваучеры. Мы просто предлагали посредническую услугу продажи ваучеров по рыночной стоимости, а далее, при желании покупателя, выдавали ему акции АО «Сити» как денежный эквивалент, то есть фактически продавали акции за «живые» деньги.

Разумеется, всё это мы покупателям акций постоянно разъясняли, и Андрея просветили тоже.

– Да нет, заумь какая-то, чего-то это не круто..., – отреагировал он.

Вскоре в «МК», на первой полосе, появились фото макета «Сити» и крупный заголовок: «Землю – народу. В центре Москвы. За ваучеры!». Текст материала гласил, что «простые граждане могут приобрести акции АО «Сити» как за наличные, так и за ваучеры. В то время как на Российской товарно-сырьевой бирже ваучер неудержимо скатывается вниз, за него дают до четырех акций АО «Сити», стоимость которых со временем несоизмеримо возрастет, так как, по оценкам наших экспертов, акции АО «Сити» одни из немногих подкреплены недвижимостью, то есть землёй и будущими постройками на ней».

«Жёлтый» и «низко интеллектуальный» «МК» поддержали «высоко интеллектуальные» «Известия» своей статьёй «Международный деловой центр «Москва-Сити» акционируется за ваучеры». Очереди за акциями «Сити» выросли: их скупали и серьёзные бизнесмены, и простые бабульки из народа. Скупали и по тысяче штук, и по одной.

Караваны пошли. Полуторамиллиардная эмиссия акций состоялась!!!

* * *

Признайся, читатель, а ведь остался у тебя за пазухой каверзный вопрос: эх, бесчестные пиарщики, обобрали народ, обманули со светлым будущим?! Но нет и нет! В «Сити» я работал до середины 95-го. Светлое будущее для акционеров наступило попозже, через десять лет, в 2005-м. Надо сказать, что и сам я был акционером и свой пакет (около 50 акций) пару раз пытался продать тому же «Сити», когда становилось трудно с деньгами. Акции в принципе покупались, но после объявления цены желание продавать пропадало в силу бессмысленности чрезвычайно дешёвой сделки.

Однажды весной в офис вбежал мой сподвижник по «Сити» и другим проектам Александр Казимиров:

– Ты знаешь, что акции «Сити» покупают по 100 долларов за штуку?!

Моё желание сразу побежать и сдать акции остановило только отсутствие выписки из электронного реестра акционеров.

На следующий день сделка опять сорвалась – я забыл дома паспорт.

– Ты знаешь, что акции стоят уже 200–250 долларов?! – продолжал подзуживать Казимиров.

На третий день я добежал до офиса какой-то компании, которая скупала акции «Сити», и продал их по 300 с чем-то «баксов» за каждую. Пятнадцать тысяч долларов свалились как с неба и были совсем не лишними. Не только мне, но и бабушкам внезапно досталась толика на подарок внукам.

Ещё через неделю цена резко упала. В сообщении «Росбизнесконсалтинга» под заголовком «Норникель» консолидировал контрольный пакет акций московского АО «Сити» я прочёл:

– Дружественные ГМК «Норильский никель» структуры консолидировали более 50 процентов акций ОАО «Сити» (управляющая компания строительством Московского международного делового центра /ММДЦ/ «Москва-Сити»). Как сообщили РБК в компаниях, нанятых «Норникелем» для скупки акций «Сити», ценные бумаги управляющей компании приобретались по цене 7–11 тыс. рублей за штуку, а крупные пакеты (более 50 акций) по 13 тыс. рублей (средний курс доллара в 2005-м году составлял 28 рублей – авт.). В пункте покупки акций, расположенном в центральном офисе «Норильского никеля» на Тверском бульваре в Москве, РБК заявили, что «контрольный пакет акций ОАО «Сити» уже скуплен», поэтому в дальнейшем акции управляющей компании будут покупать по цене, не превышающей 3 тыс. рублей...

Вскоре стоимость опустилась ещё ниже.

«Упавшие с неба» деньги исчезают быстро. А мост «Багратион» остаётся. И «Башня 2000» в середине Кутузовского проспекта – первые объекты «Московского Сити». И станции метро «Международная» и «Деловой центр». И захватывающий дух комплекс «Федерация». И ресторан «Клуб-59»

на 59-м этаже комплекса. И динамическая картинка «Города Столиц». Почти с любой точки старой Москвы мы видим Москву новую, образца XXI века.

И Ричард Н. в отношении «Сити» оказался глубоко прав. И PR в «белых перчатках» сработал!

Александр. Полюбила я парторга

Политики я сторонился, как мог. В одном популярном фильме солдат, втыкая штык в землю, кричит: «Будя! Навоевались!». Примерно, такой подход был и у меня. И у многих других, творческих и не слишком. Но куда от политики денешься? Всё вокруг кипит, политические лидеры буквально выпрыгивают на тебя из телевизора, радиоприёмника; выскакивают со страниц газет, митингуют на площадях и в подземных переходах; раздают листовки у входа в магазин, театр, на стадион; набивают своей пропагандой почтовые ящики.

Как-то я пришёл в гости к поэту-песеннику Илье Резнику и нашёл у него полное созвучие собственным настроениям.

– Я политику не люблю и от неё всячески дистанцируюсь, – твёрдо сказал Илья Рахмиэльевич. – Но не всегда получается...

Спустя десять минут он спел мне политическую частушку:

Полюбила я парторга,
У него партийный орган,
С ним все беды нипочём –
Хрен обмотан кумачом!

Грубовато, но правда. Обмотан. У кого кумачом, у кого имперским флагом, у кого чёрным знаменем...

Шутил не только Резник. Шутили все. Чем тяжелее было время, тем больше шутили. «Теперь не до шуток» – это не про нас. Шутили, метко и весело, над властью, над оппозицией; шутили над собой. А чего странного? В каждой шутке, как известно, содержится лишь доля шутки, остальное – самая что ни на есть реальность... Я листаю партийные газеты 90-х.

– Вслед за социалистической индустриализацией, социалистической коллективизацией грянула социалистическая приватизация, – шутила над приватизацией принадлежащая партии «Демократический союз» газета «Свободное слово». – Рабочие приватизируют свои заводы. Продавцы приватизируют свои магазины. Железнодорожники приватизируют перевозимые грузы. Работники школ приватизируют мел, классные доски и учебные пособия. Работники больниц приватизируют койки, клизмы, шприцы и больных. Работники кооперативных туалетов производят их вторичную приватизацию – поунитазно...

– На кремлёвском дворе была осень, за окном падали листья, листы и листовки. Шла последняя сессия Верховного Совета, – шутил над депутатами орган конституционных демократов «Гражданское достоинство». – Обсуждали вопрос о ценах на картофель, морковь, бриллианты, проститутки и билеты в Америку. Настроение у народного депутата Б. Евпатина-Коловратина было осеннее, героическое. Пить ему было нельзя, и поэтому он нахватался героина и теперь пытался попасть вилкой в кнопку на пульте голосования, чтобы, наконец, хоть за что-нибудь проголосовать. Страна уже давно и с нетерпением ждала этого момента. Больше она уже ничего не ждала. Ибо была осень, но веяло холодным дыханием зимы и перестройки, которую теперь каждый должен был начать и кончить собственноручно, в соответствии с постановлением левого и центрального крыла ЦК КПСС...

– Ввиду победившей демократии прежние оскорбительные обращения, чины и ранги отменяются, – шутила над новой действительностью коммунистическая «Молния». – Вводится единый для всех термин «гражданин» с допустимыми незначительными вариациями: «гражданин в телогрейке», «гражданин в мерседесе»...

Когда по телевизору сообщили о реанимации Гаврилы Харитоновича Попова (первый мэр Москвы – авт.), ребёнок испугался и закричал: «Папа, папа, прячь варенье – Карлсон вернулся!». Бедняжка ещё помнит, что в нашем доме бывало варенье...

Зажигательно, в ритме танца, шутил «Голос анархизма»:

«Господа, танцуйте ламбаду! Позиция 1: демонстранты становятся к пьедесталу памятника и разворачивают плакаты. В это время милиционеры стыдливо, как девочки на танцплощадке, толка-

ются где-то в районе центрального штаба добровольной народной дружины и нервно теребят вместо кружевных платочков рации. Позиция 2: по рациям объявили «белый танец», и к демонстрантам приближается серый партнёр с максимальным числом звёзд на погонах. Ковыряя ножкой асфальт, он застенчиво предлагает им пройти. Позиция 3: демонстранты сцепляются руками, а милиционеры повисают на них. Два милиционера, четыре, шесть и далее. Милиция вправо – демонстранты влево! Милиция влево – а демонстранты вправо!..

И даже национально-патриотический «Пульс Тушина» шутил над собственным антисемитизмом. В истории:

– Огромный балахон медленно сполз на землю. Под ликующие возгласы и аплодисменты поджидков открылась вылезавшая из каменного блока бородатая фигура слонопотама, выставившего вперёд огромный кулак. Это жид Кербель открывал памятник жиду Марксу на площади жида Свердлова...

И в современности:

– Черносотенец яростно скомкал лист, отшвырнул его от себя, заплакал, потом вновь сосредоточился и, шевеля губами, вывел: «Елена Боннэр договорилась встретиться с Лидией Гинзбург на перекрёстке улиц Клары Цеткин и Розы Люксембург...»

Отари. Смерть после бани

Вероятно, у читателя складывается довольно приятное и отчасти зажигательно острое впечатление о 90-х. Творчество! Да, было творчество... Новые и успешные экономические операции! Да, случались и такие... Конфликты между ветвями власти, политическими партиями! А как же без конфликтов, хоть в 90-е, хоть в какие...

За что же тогда эти годы прозвали *лихими*? Меж тем, справедливо прозвали. Отсюда в книге неизбежен раздел, который пройдёт через все главы и который уместно назвать по имени популярного фильма: «Криминальное чтиво». В разделе будет о тех, ныне покойных, с кем я дружил, кого хорошо знал или хотя бы видел. Иных, незнакомых, было в тысячи раз больше, но о них не стану.

Начнём с Краснопресненских бань. Известно, что они существовали с XIX века, многократно перестраивались, но я имею в виду «новые» бани, открывшиеся в Столярном переулке в 1979 году. Я начал ходить туда как раз в 90-е. В бане – общественной, заметьте, со свободным входом для всех, многие люди были завсегдатаями (особенно это касалось первого пара в субботу, в восемь утра) и хорошо знали друг друга, приходили и садились в 6-местные кабинки на «свои» места. Здесь существовала неформальная иерархия «ветеранов» и «новичков». Эта иерархия никак не подразумевала унижение чьего-либо достоинства. Скорее шиворот-навыворот: «ветераны» подметали и мыли парную, проветривали её и подавали пар, непрерывно «травя» при этом жизненные истории. «Новичкам» (ходившим в Пресненские бани, ну, всего-то лет пять) оставалось просто париться и просто слушать, поддакивая, но не встречая. Высшей степенью расположения к «новичку» считалась просьба «ветерана» открыть форточку.

Для меня своеобразным баннным «путеводителем» стал Владимир Морозов, известный джазист-ударник, заслуженный артист России, впоследствии написавший книжку «Легенды Краснопресненских бань». Он обращал моё внимание на тех или иных посетителей и потихоньку рассказывал о них. Так я узнал, что сюда регулярно ходят хоккеисты, футболисты, борцы, боксёры, причём именитые: мастера спорта, члены сборных страны и даже олимпийские чемпионы. Любили баню и артисты: в мужском отделении я регулярно встречал, например, Сергея Шакурова; женское отделение посещали Ирина Шевчук, Лариса Голубкина, Наталья Варлей...

Почему Пресня, а, скажем, не Сандуны? Потому что Сандуны – «музейный» вариант бань, а Пресня – самый что ни на есть парильный, хотя в Сандунах парилка тоже неплохая. Потому что в Пресне все свои, а в Сандунах частенько встречаются «экскурсанты», так сказать «гости Москвы».

Появлялись в Пресненских банях и другие персонажи, среди них два брата – Амиран и Отари. Почему в этой бане? Да потому что сами они пресненские, жили неподалёку. Кто-то называл братьев «авторитетами», кто-то – «спортсменами», кто-то даже «меценатами». И всё было правдой.

Во что пишет упомянутый Владимир Морозов:

– Я всегда получал удовольствие от общения с этими умными людьми. Они мне помогали пра-

вильно оценивать людей и ситуации, в общем, правильно смотреть на мир. Они были очень интересные люди. Оба спортсмены, они очень любили своих друзей, близких, и если они совершали какие-то незаконные поступки, то только потому, что время пришло такое тяжёлое: надо было что-то выгадывать, выкраивать... И называть их «бандюгами» у меня язык даже не поворачивается...

Да... Всё правда. Авторитеты. Амиран – карточный шулер. Имел доли в игорном и гостиничном бизнесе. А потом – писатель-драматург, вступил в Союз писателей России. И спортом занимался.

В августе 93-го Амирана застрелили в офисе одной из компаний. С почестями похоронили недалеко от Пресненских бань, на Ваганьковском кладбище, неподалёку от могилы Владимира Высоцкого. На похоронах присутствовали известные артисты и спортсмены: Иосиф Кобзон, Зураб Соткилава, Арчил Гомиашвили, Иван Ярыгин, Александр Якушев, Александр Тихонов.

Я слышал, как в бане, после похорон Отари говорил: «Всё, хватит! Кровной мести не будет, крови больше не будет...».

Про него тоже всё правда. Бизнесмен. Мастер спорта СССР по греко-римской борьбе, заслуженный тренер РСФСР. И основатель партии спортсменов России, председатель Фонда социальной защиты спортсменов имени Льва Яшина.

Деньги спортсменам Отари действительно давал. Однажды, затеявая зрелищное спортивное мероприятие, мы советовались с коллегами: «Может, у Отари денег попросить?». Находившийся случайно рядом «компетентный человек» вмешался: «Не надо просить у Отари. Не надо к нему вообще ходить. Там вопрос решён».

Недели через две, 5-го апреля 1994 года Отари был убит тремя выстрелами из снайперской винтовки при выходе из Краснопресненских бань. Похоронили рядом с братом.

ПОХОЖИЕ ПЕРСОНАЖИ

НИКОЛАЙ. Протоиерей Николай Морозов – настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском (Москва) в начале 90-х годов.

ЛЕРА. Валерия Новодворская – советский диссидент и правозащитник; российский либеральный политический деятель и публицист, основательница праволиберальной партии «Демократический союз».

АЛЛА. Алла Ларионова – актриса театра и кино, народная артистка РСФСР. Коля – её муж, народный артист РСФСР Николай Рыбников.

ИВАН. Иван Рыжов – народный артист РСФСР, сыграл в кино 106 ролей, в том числе несколько ролей в фильмах Василия Шукшина.

МИТЁК. Дмитрий Шагин – художник, член творческой группы «Митьки», названной как раз в честь Дмитрия.

Текст рассказа «Ящерица и закон» принадлежит Владимиру Шинкарёву (Шинкарёв В.Н. Митьки. – М.: ИМА-пресс, АПН, 1990) – писателю, идеологу митьковского движения, рассказавшему о субкультуре «Митьков».

БГ. Борис Гребенщиков – поэт, певец, музыкант, композитор, гитарист, лидер группы «Аквариум». Дэйв Стюарт – британский музыкант, композитор и музыкальный продюсер.

ГРАФ. Александр Невзоров – телеведущий, актёр, режиссёр, писатель. Всероссийскую известность получил в начале 90-х своей передачей «600 секунд» на телевидении Санкт-Петербурга.

ПЁТР. Пётр Мамонов – русский рок-музыкант, актёр, поэт. Известен по музыкальной группе «Звуки Му», кинофильмам и спектаклям.

ВИКТОР. Виктор Третьяков – композитор, поэт, бард, заслуженный артист РФ. Однофамилец и «одноимёнец» Виктора Третьякова – скрипача, дирижёра, педагога, профессора Московской государственной консерватории, народного артиста СССР.

ЛЁВА. Похожие персонажи шифруются, как это и следует из монолога.

РИЧАРД Н. Ричард Никсон, 37-й президент США (1969–1974 гг.). Димитри С. – Дмитрий Саймс, американский политолог советского происхождения. В 1993-м – советник Р. Никсона по вопросам внешней политики. Дмитрий Р. – Дмитрий Рюриков – советский и российский дипломат. В 1993-м – помощник по международным вопросам Президента РФ.

ОТАРИ. Отари Квантришвили – криминальный авторитет, спортсмен, общественный деятель, благотворитель. Амиран Квантришвили – родной брат Отари. Характеристики те же.